

ГРАФИКА НАДИ РУШЕВОЙ

ГРАФИКА

НАДИ РУШЕВОЙ

ГРАФИКА

НАДИ РУШЕВОЙ

*

ГРАФИКА НАДИ РУШЕВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО». МОСКВА. 1976

П 16
7С2

Составитель Николай Константинович РУШЕВ
Автор текста Георгий Викторович ПАНФИЛОВ

Г 80103-0027
024/01)-76 42-76

© Издательство «Изобразительное искусство». 1976

Вальс кентавриц. 1967

Воображение Нади — исключительно емкое, мудрое, дальновзоркое, остро современное. Она рисовала сердцем.

Л. А. КАСИЛЬ

Свыше ста музеев страны познакомили с рисунками Нади более двух миллионов почитателей и знатоков искусства.

И вот сегодня вы держите в руках наш альбом. Встретиться с ним радостно и горько: радостно потому, что, глядя на рисунки Нади Рушевой, невозможно не почувствовать себя на празднике большого искусства, а горько потому, что самой-то художницы давно нет с нами... 6 марта 1969 года, когда Наде едва исполнилось 17 лет, внезапно оборвалась ее юная, счастливая, полная радужных надежд и больших творческих перспектив жизнь. Она умерла от кровоизлияния в мозг.

Так мало прожив, она оставила огромное художественное наследие — свыше 10 000 рисунков-фантазий, выполненных пером, фломастером, пастелью, монотипией, офортом.

Удивительным кажется не только необыкновенная продуктивность Нади Рушевой, ее одержимая преданность графике, но еще в большей степени ранняя сформированность и зрелость ее таланта.

Надя рисовала с пяти лет, как и все дети. Но того перелома от детского восприятия, детской манеры, столь привлекательной в рисунках детей, к взрослому, правильному рисунку, который для большинства кончается полным отходом от рисования, у Нади словно бы и не было: в ее работах любого возраста мы узнаем характерный и вполне выявленный самобытный стиль.

Надя почти никогда не работала с натуры. Все ее рисунки — это рисунки по воображению и по памяти. Она рисовала не видимое, а мыслимое. В этом она до конца сохранила счастливое свойство ребенка мгновенно отзываться конкретными зрительными образами на любую тему, идею, сюжет, используя для этого все богатство ассоциаций, предметность видения, отвагу фантазии.

Ее рисунки упруги, красивы и мелодичны. Полнее и ярче искусствоведческих изысканий рассказывают они о талантливом и веселом человеке, который умел видеть мир глазами первооткрывателя.

Надины рисунки — это огромный, многообразный сплав образов, чувств, идей, интересов. В них воплощены события сегодняшнего дня и историческое прошлое нашей страны, мифы эллинов и современная Польша, сказки народов мира и пионерия Артека, Древний Рим и страшный Освенцим, первые дни Октябрьской революции и космос, борьба народов за мир и радость материнства.

Многообразии интересов художницы поражает. Ей до всего в мире было дело, ее все касалось.

Перед авторами этого альбома возникла очень трудная задача: отобрать из нескольких десятков Надиных циклов, таких щедрых и насыщенных, самое лучшее, интересное.

Поэтому в альбом вошли лишь некоторые циклы (при этом мы не претендуем на последовательность в их расположении и, конечно, на их полноту): 1. Эллада. 2. Тува и Монголия. 3. Мир животных. 4. Русские сказки. 5. Современность. 6. Балет. 7. Западная классика.

8. «Война и мир». 9. «Маленький принц». 10. Автопортреты. 11. Пушкиниана. 12. «Мастер и Маргарита».

Широта ее интересов не есть всеядность. Чувство отбора, столь важное для художника, было у Нади безошибочно и строго. Она искала в жизни красоту, впитывала все, что пленяло ее в книгах, стихах, музыке, балете, произведениях великих мастеров искусства прошлого и современности. Искусство прошлого дало Наде не выучку, а большую нравственную и эстетическую школу. Можно нарисовать с натуры сотни античных статуй совершенной штудии, и при этом остаться равнодушным к искусству древних, чуждым истинному пониманию прекрасного.

Для Нади Эллада была живым и светлым источником ее творчества, чистым и ясным. Пожалуй, именно в искусстве Древней Греции она усвоила легкость певучей линии, гармонию пропорций человека и животных, жизнерадостность.

Мифологическим мотивам посвящено множество ее рисунков, и среди них — самые ранние. Восьмилетней девочкой Надя рисует «Подвиги Геракла» — обширный цикл из ста маленьких этюдов. При этом она домыслила свое продолжение героического сказания, хотя читать еще не умела и рисовала в основном в то время, когда родители перечитывали ей книгу А. Н. Куна «Легенды и мифы Древней Греции».

Забавен ее первый автопортрет — в восемь лет. С улыбкой и достоинством смотрит девчужка с разлетевшимися косичками на листок бумаги, где под уверенными штрихами пера оживает ее любимый образ Буратино, а рядом с листком уже изображена стопка альбомчиков (их сохранилось свыше тридцати). В них ее рисунки и к «Сказке о царе Салтане», и к «Сказкам собственного сочинения», к «Иллиаде» и «Одиссее», к «Подвигам Геракла».

Озорной веселостью проникнуты эти многосерийные фантазии. Надя увлечена благородным Гераклом, представляя его с огромной грудью, могучими руками и прямым античным профилем. Отправляясь по приказу царя Эврисфея на двенадцать подвигов, он совершает попутно еще много добрых дел: спасает обреченную на жертву юную Гессиону, сражается с богом смерти Танатом, освобождает против воли богов Олимпа прикованного Прометея.

Благодушен у Нади Геракл, принимая угощение от мудрого кентавра Фола, и грозен, вступая на его защиту от стада диких кентавров. Показать и пересказать здесь всю сотню Надиных «Подвигов Геракла» — немисливо. Наклеенные на ряд длинных голубых паспарту, они сейчас привлекают на выставках внимание посетителей всех возрастов. Они смотрятся как последовательная раскадровка остроумного мультфильма. Здесь маленькая Надя обнаружила много находок в древнегреческом мифе.

А чего стоит Надина выдумка... крылатого кентавра? Вот он пикирует с неба на поле жаркого боя с луком и пущенной стрелой. Это уж совсем чудесное открытие, видимо, от незнания, что такого в мифологии и в искусстве еще не было. Позднее, в тринадцать лет, Надя не раз возвратится к изображению своего любимца Геракла. Его облик становится идеальнее, но фантазия юной художницы продолжает бурлить в саморазвитии. Посмотрите, как герой, придавив к земле страшную голову Немейского льва, левой рукой вскинул зверя за хвост и ломает ему хребет о свою спину. Такого описания борьбы в мифах вы не встретите. Надины линии здесь так напряжены и точны, будто вычерчены резцом. Ее же рисунок, исполненный в четырнадцать лет, «Геракл и Деянира» воспринимается как современный гимн герою Эллады.

С малых лет Надя бывала в музеях. Любила задерживаться в античных залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, в Эрмитаже, в музеях Москвы, Феодосии и Симферополя.

Но ни в музеях, ни в книгах она не встречала изображений кентавриц. Впрочем, Надю это ничуть не смущало: раз были кентавры, представляла себе она, значит, были и кентаврицы и, конечно же, кентаврята.

Надя напридумала несколько композиций с этими маленькими кентаврятами: то они умирительно плетутся среди степенных взрослых кентавров, то лихо гоняются друг за другом в табунке под присмотром своей миловидной воспитательницы («Кентавриный детский сад»). А рисунок «Кентавренок с венком», созданный в четырнадцать лет, воспринимается иногда как фантастический Надин автопортрет: так значителен взгляд полурбенка-полужеребенка: кто достоин украше-

Кентавренок с венком. 1968

ния таким же венком, что и у него на голове? Нельзя не улыбнувшись смотреть на эту ладно скроенную и занятную фигурку, на крепкие ручонки с венком и передние ножки с копытцами. Только вот задние, под кудрявым хвостиком, еще плоховато слушаются, и поэтому, как у щенят, их заносит в сторону.

Десятки цветных листов Нади Рушевой со статными кентаврицами — новое ее слово в искусстве. Как близкие подруги художницы, эти фантазийные дивы то плавно кружатся в вальсе, то вольно мчатся в степи, то, усевшись, читают свитки или томно млеют под дождевиком, то противоборствуют с обидчиком, то катают детей эллинов.

Рассматривая Надины композиции «Тритон и наяда», «Нимфа и сатириенок», «Сатиресса угощает кентавра», «Встреча юного Вакха с нимфой», мы ощущаем в них глубокое лирическое начало, доверительность и чистоту отношений мифологических существ.

А «Дочь Лаконии» — одна из вершин художественного лаконизма Нади Рушевой. Как мало линий и как много ими выражено!

Все эти композиции исполнены изумительно. Линия упруга, текуча, пластична, завершена в первом и единственном движении.

Надя почти не употребляла карандаша и потому не пользовалась резинкой, не намечала предварительных направлений и не растушевывала объемов. Ее особая линия всегда окончательна, и технические материалы, которыми она пользовалась, соответствовали ее удивительной способности к свободной и безошибочной импровизации. Нельзя поправить и подчистить рисунок пером, чернилами, фломастером, а именно их так любила Надя, не повредив при этом бумаги. Часто она подцвечивала свои листы пастелью или акварелью, а то сразу рисовала на тонированных фонах.

Своеобразно Надино создание «Адама и Евы». Здесь только две напряженные фигуры на сиреневатом фоне. Ни райских кущ, ни дерева познания добра и зла. На переднем плане лишь яблоко и змей. Яблоко уже сорвано, но выскользнуло из трепещущих рук на землю. И вот согнувшись Ева испуганно и решительно вновь тянется к яблоку. Этот бурный жест женщины, жаждущей познать запретное, неподражаемо выразителен. Заслоненный Евой Адам, тоже припавший в резком повороте к земле, в смятении пытается остановить неотвратимое. Надя нашла свое прочтение легенды, к которой обращались художники разных эпох, и дала ее оригинальное пластическое решение. Надя Рушева родилась 31 января 1952 года в г. Улан-Баторе — столице Монгольской Народной Республики, где жили тогда ее родители. Ее отец — Николай Константинович Рушев работал в Монголии художником-инструктором театра и педагогом в художественном училище, а ее мать — Наталья Дойдаловна Ажикмаа, родом из Тувы, работала в Монголии педагогом-балетмейстером и солировала в концертах. По-монгольски имя Надежда — Найдан и означает вечно живущая. Так всегда и звали милостивую девочку монгольские и тувинские друзья родителей.

Молодежь и школьники на выставке в Манеже. 1967

В августе 1952 года семья возвратилась в Москву. С пяти лет Надю водили в детский сад при заводе «Шарикоподшипник» в группу воспитательницы Анны Михайловны Волковой. Здесь Надюша была среди сверстников, она привыкла к дисциплине коллектива. Надя пела в хоре, участвовала в групповых танцах, полюбила стихи, лепила из пластилина, клеила аппликации и игрушки.

Больше всего она просила взрослых, чтобы они читали ей сказки, предания и мифы народов всех стран.

До школы ее не учили читать и писать. Иногда она любила слушать радиопередачи для детей, играть с подружками в куклы и танцевать.

Мама показывала ей несложные балетные упражнения; дедушка немного учил игре на фортепьяно. Хотя рисовать ее никто не учил, ее формирование происходило в семье, в среде художников и артистов.

Но все детишки рисуют — начала выводить свои каракули и Надюша, хотя до семи лет никто в семье не относился к этому серьезно... Рисовала она легко, играючи, как бы обводя лишь одной ей видимые образы. При этом улыбаясь приговаривала: «Какая-то слива получается... Или нет? Это, пожалуй, пароход. Ах, нет, нет! Это печка. А Емелька две подушки положил и ушел...» Это была радостная игра в рисование, свободные шутки воображения маленькой девочки.

В семь лет, в первом классе школы, Надя стала авторучкой выводить палочки и буквы и как-то сразу и навсегда сжилась с этим тонким и трудным инструментом (поправки-то исключаются!), которым редко рисуют дети, да и художники.

Придя из школы и выполнив уроки, она с удовольствием принималась за полюбившееся фантазирование, благо под рукой у нее были маленькие альбомчики или обрезки бумаги разного формата и цвета. Уделяла этой забаве она не более получаса в день или, в каникулы, — час, пока не «выпустит на бумагу» накопившиеся образы и наблюдения. И это стало ежедневной, естественной Надиной потребностью на всю ее жизнь.

Тогда же, в семилетнем возрасте она набросала в альбомчике тридцать шесть скупых на детали, но занятных иллюстраций к «Сказке о царе Салтане». Это она сделала за один присест, за то время, пока отец, отдыхая после работы на диване, неспеша и с выражением читал ей (в который раз) любимую сказку.

Необузданная фантазия и приверженность дочери к рисованию покорили тогда родителей, и они стали относиться к ее увлечению с сочувствием и осторожным вниманием, а рисунки сохранять в папках.

В сентябре 1962 года на Ленинских горах в Москве открылся новый городской Дворец пионеров с прекрасно оборудованными изостудиями и многими другими художественными и техническими кружками. Десятилетнюю Надю с ее папками по субботам стали возить на консультации к опытнейшему педагогу Людмиле Александровне Магницкой. Легко установилась взаимная симпатия и привязанность. Более 5 лет Надя с охотой посещала эти консультации: здесь не ставились отмет-

ки за детское творчество, зато часто устраивались выставки, веселые праздники, экскурсии, встречи с мастерами советского и зарубежного искусства.

Малыши рисовали по памяти все, что хотели, и в старших группах рисовали с натуры или делали композиции, учились оформлять залы для школьных праздников.

Надино постоянное увлечение искусством одобряли и старые наставники ее отца (педагоги по художественному факультету Московского текстильного института) — искусствоведы А. Н. Свирина, сотрудник Третьяковской галереи, и Н. А. Демина из Музея имени Андрея Рублева. В течение всех десяти лет Надино творчества они поддерживали ее своим радушием, часто приглашали в музеи, дарили ей свои книги по культуре Древней Руси. Они-то и привели одиннадцатилетнюю Надю в мастерскую к известному советскому художнику-анималисту профессору Василию Алексеевичу Ватагину.

С малых лет Надя особо отличала иллюстрации художника В. А. Ватагина к «Маугли», его картины из жизни диких животных в Зоологическом музее МГУ и его скульптурные украшения в Московском зоопарке, где она так часто бывала. Первая встреча большого мастера с Надей была трогательной и превратилась в дружбу до ее последних дней.

Просмотрев тогда первые две папки композиций, обсудив каждый рисунок, Василий Алексеевич подарил ей свою книгу «Записки анималиста» с надписью: «Милая Надя! Жду, желаю и верю в твои большие успехи. Твой дедушка В. Ватагин. 9 марта 1963 года». На вопрос родителей не пора ли перевести дочь в специальную художественную школу, он посоветовал: «Не будем мешать ее саморазвитию, оно и так бурлит. Не надо ее учить — ее надо лишь воспитывать. Пусть по-прежнему учится в обычной школе и по субботам бывает в изостудии Дворца пионеров, а в каникулы — прощу в мою мастерскую с новыми папками. Через год-два вернемся к этому вопросу».

Василий Алексеевич заботливо оберегал время и силы Нади, посылал ей приглашительные открытки и письма. И не давал никаких заданий. По характеру Надя была на редкость уравновешенной, пытливой, трудолюбивой. Она успешно оправдывала надежды наставников сво-

им умением идти вперед непроторенным путем. Свободно наблюдала, осмысливала и изображала труднейшее в искусстве — человека, его индивидуальность, внутренний мир, его взаимоотношения, историю, его сосуществование с природой.

Животных она любила по-особенному — «...как братьев наших меньших...» и всю жизнь обращалась к ним в своих фантазиях.

В нашем альбоме представлены лишь 3 листа из огромного Надиного цикла «Мир животных». Тут и извечная борьба за существование, и мирные пастбища («Антилопы и мартышка»), и трогательная дружба животных с человеком («Маугли и Багира», «Конек-горбунок»). Все это выполнено разнообразно, ясно и вдохновенно, с раскрытием всех особенностей, повадок и характеров зверей. Много у Нади и изощрот, интересных композиций с домашними животными. Основатель советской школы анималистов академик В. А. Ватагин радовался, что и здесь Надя Рушева была зорка и безошибочна и никогда не подражала ни ему, ни другим мастерам.

В декабре 1963 года, будучи на выставке работ студийцев во Дворце пионеров, заведующий отделом науки и техники газеты «Пионерская правда» Сергей Васильевич Гуцин заинтересовался Надиными рисунками на тему «Космос». Он предложил ей проиллюстрировать для газеты короткую и веселую научно-фантастическую повесть польского писателя Тадеуша Ункевича «Эльмис профессора Рембовского». Это о путешествии школьника на батискафе... в капле воды, то есть в микромире, где одноклеточные микробы выглядят огромными и опасными чудовищами. Фантазия девочки-художницы заиграла, но ей нужно было для уточнений взглянуть в сильный микроскоп.

Наде всегда везло на хороших и отзывчивых людей. Показал ей через микроскоп разную одноклеточную живность биолог, сын Бориса Николаевича Ланге — педагога рисунка Строгановского института, который за пять лет дружбы дал Наде много добрых советов.

Художественный редактор «Пионерской правды», строгий В. И. Андреев сомневался в успехе необычной затеи своего научного редактора, но когда тот принес ему на выбор 15 легких, задорных рисунков Нади, в чем-то более интересных, чем работы профессиональных художников, то одобрил их и сдал в типографию. Особенно удались Наде

Испанский танец. 1968

рисунки, изображающие школьников, ученых и микробов-чудовищ. В четырех декабрьских номерах «Пионерской правды» за 1963 год впервые были опубликованы девять рисунков юной художницы. Там же были напечатаны еще и шесть оригинальных эскизов костюмов для школьного новогоднего карнавала. Это выборка из десятков ее эскизов, созданных в изостудии у Л. А. Магницкой.

Академик В. А. Ватагин тогда сразу откликнулся: «Поздравляю милую Наденьку с первой и удачной публикацией рисунков в печати в 11 лет! Великий рисовальщик Франции — Гюстав Доре начал печататься с 12 лет».

На работе у родителей Нади существовала традиция — к новогодним праздникам устраивать выставки «Рисуют наши дети». К новому, 1964 году на эту выставку были даны три рисунка Нади фломастером на цветной бумаге — «Эллада», «Во дворе», «Космонавтка на далекой планете». Они вызвали удивление, и внештатный корреспондент журнала «Юность» Лев Викторович Бобров взял у родителей Нади одну из папок с сотней ее рисунков и отвез в редакцию к Борису Николаевичу Полевому.

Как и многие его сотрудники, Полевой не поверил, что это композиции 10—11-летней девочки. По просьбе Полевого отец с Надей привезли ему еще две папки рисунков. Борис Николаевич тут же позвонил Льву Абрамовичу Кассиль: «Приезжайте посмотреть очень занятные работы одной школьницы».

Кассиль немедленно приехал и заинтересовался работами Нади. Он сам начинал свой писательский путь как художник и воспитал своих детей художниками. Сразу было решено устроить в помещении редакции «Юность», где всегда выставляют работы молодых, большую персональную выставку из 160 Надиных фантазий.

В своей рецензии «Воображение Нади Рушевой» («Юность», № 6, 1964 год) Лев Кассиль писал: «Я увидел множество чрезвычайно выразительных и удивительных по точности художнического зрения рисунков. Меня познакомили с их автором — худенькой, чернобровой девочкой, молчаливо и как-то отчужденно, безразлично слушавшей все, о чем восторженно толковали писатели, журналисты, художники. Вскоре я побывал в доме у Нади, и ее родители — Наталья Дойдаловна и Николай Константинович — показали мне еще многие десятки ее папок, которые буквально заполнили и комнату и шкафы.

Я застал Надю за рисованием. Рисует она по воображению. А оно, воображение, у нее поразительно емкое и дальнозоркое. Когда Надя была в редакции, она увидела обломок античного барельефа — подарок Маволиса Глезоса редактору журнала Б. Н. Полевому. На обломке изображен старик, фигура и поза которого выражают скорбь... Пока все разглядывали работы Нади, она успела сделать два рисунка, воспроизводящих в двух вариантах и то, что отсутствует на обломке, и с отличным ощущением стиля и настроения домыслила древний сюжет».

Четырехлетний Саша Пушкин с сестрой. 1968

Лев Кассиль, описав десять Надиных рисунков, напечатанных в журнале, заключает: «Вас, вероятно, как и меня, захватывает их тематическое разнообразие, броская сила воображения, изящная компоновка сцен, наглядная убедительность мгновенно схваченных жестов, свободная и в то же время реалистическая грация каждой фигуры. Один из известных московских художников-педагогов П. П. Пашков, придерживавшийся в работе с ребятами принципов школы Павла Чистякова, любил говорить своим питомцам: «Сначала воображение, потом соображение и, наконец, изображение». Рисунки Нади Рушевой позволяют говорить о ее чудесном памятьном воображении и верить,

что в будущем она сумеет обрести два других необходимых для зрелости компонента мастерства».

Была еще и другая рецензия на эту выставку, которая из-за непрерывающегося потока посетителей экспонировалась двойной срок. Так, в журнале «Юность» № 8 под заголовком «Выставка, каких не было» приводились восхищенные записи из двух книг отзывов, проникнутых заботой о будущем маленькой художницы. Академик В. А. Ватагин писал: «Я имею счастливую и ответственную возможность наблюдать за развитием необыкновенных способностей Нади Рушевой в течение одного года. Я вижу, что как художник она растет не по дням, а по часам. Ее рисунки далеко выходят за пределы детского творчества. Но и среди взрослых художников едва ли многие могут поспорить с легкостью ее техники, ее линий, чувством композиции, с остротой ее образов, с ее творческим восприятием мира. За сохранение, воспитание и развитие ее таланта ответственны не только родители и наставники. Таланты такого рода являются достоянием всего народа — государства. Вся художественная и педагогическая общественность ответственна за них. Необходимо создать для необычных талантов и необычные педагогические установки. Художественные институты, рассчитанные на средний уровень, бесполезны, а может, и вредны для них». А вот запись немецкого писателя и философа Альфреда Куреллы: «Какая неожиданная полнота очаровательных, веселых и умных придумок! Какое неисчерпаемое богатство все новых образов и тем! Можно только поздравить редакцию «Юности» с этим открытием и советскую молодежь с такими талантами, которые возникают в ее среде».

Во время экспонирования выставки редакция журнала издала буклет с 8 рисунками, а главный редактор прислал Рушевым открытку: «Поздравляю тебя, Наденька, и твою маму с Международным днем 8-го Марта! Не зазнавайся, работай, учись, шали. Б. Полевой».

Той же весной активисты-студенты из «Клуба искусств МГУ» взяли у Рушевых девяносто рисунков Нади и открыли параллельную выставку в высотном здании на Ленинских горах.

Журналист В. Пономарев в газете «Известия» от 17 апреля 1964 года опубликовал непринужденно исполненную Надей композицию «В хореографическом училище» с этой выставки и краткую, с некоторой долей юмора информацию. Приводим ее полностью:

«Браво, Надя, браво! — Эти слова написал на одном из рисунков художницы итальянский поэт и сказочник Джанни Родари. «Тонко, темпераментно, талантливо», — можно было услышать в США, Италии, Индии, Японии, ГДР, где экспонировались ее рисунки. «Восхищены» — это слово встречается чаще других и в книге отзывов на выставке ее работ, которая недавно открылась в МГУ.

Художницу интересует очень многое. Об этом говорят названия разделов выставки: «Русский балет», «Мир животных», «Космос и наука», «Сказки и фантазии», «Моды вчера и сегодня», «Эллины и рабы», «Мир детей», «Сила и грация». Ее первые рисунки относятся к 1957 году. А сейчас их уже более пяти тысяч.

14 апреля в МГУ должна была состояться встреча автора с посетителями выставки. Но она не получилась. Увидев переполненный зал, автор растерялся, расплакался и убежал... под бурные аплодисменты зрителей.

Остается добавить, что это — Надя Рушева, ей 12 лет, она учится в 5-м классе 653 школы Москвы, любит играть в куклы, кататься на коньках и лыжах. Присоединяемся к пожеланиям студентов МГУ: «Молодец, Надюша, так держать!»

Упомянутые выше зарубежные выставки, где среди работ многих студийцев были и Надины, организовывал Дворец пионеров. В изостудии дворца 12 декабря 1963 года состоялась встреча Нади с Джанни Родари, во время которой они обменялись подарками.

Свыше двадцати центральных газет и журналов в 1964 году тепло откликнулись на эти первые персональные выставки рисунков Нади. Некоторые критики, а также представители руководства изостудией высказали свои опасения: не закружится ли юная головка? Не зазнается, не обленится ли Надя?

Скромная и умная юная художница по-своему ответила на общественное внимание: по-прежнему она импровизировала на бумаге полчаса-час каждый день. Много читала классическую и историческую литературу, посещала московские музеи и выставки, консультации в изостудии у Л. А. Магницкой и мастерскую В. А. Вагагина, а в своей школе выпускала забавную стенгазету «Ежик» и училась по общеобразовательным предметам только на «пятерки». Правда, на уроках, когда надо было 45 минут рисовать гипсовые гео-

метрические фигуры, наша фантазерка так «замучивала» свой лист, что у педагога Б. И. Соболева получала и «четверки».

В летние каникулы 1964 года Надя отдыхала с родителями в Крыму, где жила у судакской Генуэзской крепости. Там на берегу Черного моря вели раскопки археологи, и они охотно разрешали Наде помогать им. По книгам она знала историю культуры Крыма — от тавров, эллинов, скифов и византийцев до генуэзцев, турок, русских. И вот теперь ей довелось с увлечением, на ощупь — скальпелем и кисточкой вывозить из земли яркие черепочки, бусинки, монетки, орудия труда. Древние тавры представлялись Наде мифическими кентаврами, воинственные кимерийцы — амазонками.

В контурных рисунках на тонированной бумаге она зафиксировала свои впечатления от цепи романтических прибрежных утесов: «Парус», «Новый Свет», «Рыба-Кит», «Болван», «Чертов палец». К изображению вознесенной над крепостью Девичьей башни, Консульского замка, мечети с пушками Надя всегда пририсовывала скачущего всадника с развевающимся плащом.

Купаясь у подножия грозной крепости, Надя одевала маску, ласты и любовалась причудливым подводным миром. Это почти как ее иллюстрации к «путешествию» в капле воды. Но теперь она сочиняла аллегории с Нептуном, тритонами, наядами, медузами, сиренами, дельфинами, ихтиандрами.

Иногда в бухту заходил на парусах трехмачтовый корабль, и фантазия тут же уносила девочку в мечтания Александра Грина: «Ассоль» — называла она фото, запечатлевшее ее на фоне моря и парусника.

Наблюдения над характерами современных отдыхающих «дикарей», которые целыми семьями заполняли пляж, давали волю Надиному мягкому юмору. Загорающие мамы и папы и их подвижные детишки вызывают добродушную улыбку.

Остаток лета 1964 года Надя Рушева провела в подмосковной деревне, в семье своей младшей подружки. Сборы ягод, грибов, игры в кукольный театр в окружении сельской живности и труда колхозников — сколько новых впечатлений и рисунков!

А сколько было прочитано книг!

Здесь мы задержались подробнее на биографии Нади потому, что с весны и лета 1964 года у нее начался качественно новый художест-

Пушкин мечтает в садах Юсупова. 1968

венный подъем и в наш альбом вошли в основном рисунки, созданные ею начиная с двенадцати лет.

Рядом с циклом «Мир животных» мы поместили два рисунка Нади Рушевой из ее обширной серии «Тува — Монголия — Восток». Это кровная часть истоков ее творчества. Надя Рушева родилась в Монгольской Народной Республике, а летом 1955 и 1959 годов она побывала с родителями на родине матери — в Тувинской АССР.

А в Москве воображение и представления Нади о Востоке питались воспоминаниями матери и рассказами отца, который за семь лет работы в национальных театрах Кызыла, Душанбе и Улан-Батора соз-

дал эскизы декораций, сделал натурные этюды архитектуры и природы, зарисовки этнографического характера. Любила Надя посещать московский Музей восточных культур, выставки по искусству Средней Азии, арабских стран, Индии, Японии, Китая, Вьетнама. И, конечно же, дома всегда перед глазами у нее были полки с книгами о Востоке, фотографии и сувениры-подарки от навещавших родственников, друзей и учеников отца — тувинцев, таджиков, монголов.

В своих композициях юная художница точно и образно раскрывала национальные особенности бытия и мифологии восточных народов и, как всегда, была свободна от подражаний даже самым ею любимым мастерам прошлого — Утамаро, Хокусаи, Ци Бай-ши.

О древнем обычае кочевников-скотоводов уважительно поведал нам рисунок «Тувинская мать перед рассветом». В нарядном меховом уборе мать только что совершила наивное таинство: разбрызгиванием молока из особой ложки «покормила» добрых языческих духов, хранителей ее семейного очага. Холодная предрассветная синь, сильные взмахи сиреневого фломастера, скупые мазки фиолетовой пастелью, а как много здесь выражено.

Старая сказка увлекла Надю на создание композиции «Ритуальный танец тувинского охотника». Первобытное, упоенное действо полуобнаженного юноши ради удачливой добычи вдруг ожило на палевом фоне в упругих штрихах и в сполохах пастельного пламени.

Из обширной надиной серии «Россия» в альбоме воспроизведен прекрасный по исполнению лирически нежный рисунок «Веснушки. Сережа Есенин» (мальчик задумчиво покусывает стебелек ромашки...). Привлекает внимание также и лист сильного, патетического звучания: «Непокоренная» (партизанка после пыток...).

Рядом с ними в нашем альбоме живут образы сверстников художницы, среди которых Надя изобразила и себя: «Молодежь и школьники на выставке в Манеже» (автор с подружкой справа, спиной к нам; тут же спешащие младшие школьницы; в центре — парочка стилиг-эстетов, слева — студенты).

Надя любила творчество Шекспира и воплотила в рисунках мятущиеся шекспировские образы — король Лир, Корделия. Резкие удары кистью, суровые чернильные заливки. Никаких подцветок: так убедительнее будут драматические характеры.

Пушкин в пятнадцатилетнем возрасте. 1968

Надя прочитала почти все трагедии, исторические хроники и комедии Шекспира и горячо откликнулась своеобразными и разноплановыми рисунками на темы «Ромео и Джульетты», «Отелло», «Двенадцатой ночи», «Венецианского купца», «Ричарда III», «Макбета», «Сна в летнюю ночь». А «Гамлета» художница представила и как философскую драму и как убедительно выдуманный ею балет. Приходится сожалеть, что объем альбома не позволяет вместить все эти удивительные рисунки.

Вся огромная серия «Западная классика» Нади Рушевой вызывает изумление. Для большинства ее сверстников — это пока всего лишь

внеклассное чтение. А Надя создавала рисунки как свое толкование произведений Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», Джорджа Байрона «Абидосская невеста», Виктора Гюго «Собор Парижской богоматери», «Отверженные», «Гаврош», Чарльза Диккенса «Записки Пикквикского клуба», «Оливер Твист», Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна», «Принц и нищий», Шарля Перро «Золушка», Ганса Христиана Андерсена «Гуси-лебеди», братьев Гримм «Умница», Жюль Верна «500 миллионов Бегумы», Александра Дюма «Три мушкетера», Фенимора Купера «Зверобой», Эрнста Гофмана «Щелкунчик», Феликса Залтана «Бемби», Редьяра Киплинга «Маугли», Этель Войнич «Овод». Пожалуй, тут всего не перечтешь...

Отзывчивая и пылкая душа юной художницы проникла в сложности жизни иного мира с его контрастами, социальным неравенством. Она — всегда вместе с защитниками обездоленных, женщин и детей. с творцами красоты, добра и справедливости. Ее Козетта изображена усталым ребенком за непосильной стиркой, Шутик — в его грустное время, когда ему не до шуток; «Марсельеза» — девушкой с красным стягом в порыве к свободе, Мольер и Арманда — за самозабвенным творчеством.

Как-то Надя сказала, что Боттичелли — один из любимых ею художников. Пожалуй, с ним роднит ее глубоко прочувствованная женственность идеальной красоты, пленяющая нас в надиной серии «Балет».

Всю короткую жизнь художницу увлекало искусство танца, «зримой музыки». Здесь ее линейный рисунок приобретал нежную поэтичность и экспрессию, окрыленность и пластическую точность. И это без карандашной подготовки, сразу набело... Этому удивлялись не только наставники Нади и посетители выставок ее рисунков, но и балетмейстеры и прославленные мастера советского балета. Отмечая ее композицию «Умиравший лебедь» (балерина завершает танец в шпагате...), народная артистка Майя Плисецкая воскликнула: «У меня такого Лебедя нет, но я непременно его сделаю!» А руководитель Ленинградского хореографического училища народная артистка СССР Татьяна Вечеслова, восхищаясь «Испанским танцем», «Шехерезадой», «Прыжком трех балерин», «Соло» («Батман») — посвятила юной фантазерке свои стихи.

Задолго до создания на советской сцене новаторских балетов «Анна Каренина», «Кармен», «Гамлет» Надя Рушева нарисовала их главных героев, дав им интересную образную характеристику. Попадись они тогда балетмейстерам, солистам, композиторам и художникам по костюмам, они очень бы подивились Надиному дару предугадывать... В папках юной мечтательницы лежат эскизы к еще не созданным балетам «Зоя», «Дикие лебеди», «Незнайка». Там и классический балет, и пантомима, и народная хореография, и эстрадный танец. Балет на льду, цирк, детский балет и сценки из жизни хореографического училища — все было подвластно Надиной певучей линии. Невольно вспоминаются слова Сергея Эйзенштейна: «Линия — след движения, рисунок и танец растут из одного лона; они только разновидности воцеления одного импульса».

За свою короткую жизнь Надя успела побывать не на многих балетных спектаклях. В ее дневнике записаны лишь «Аистенок», «Щелкунчик», «Лебединое озеро» и «Спартак». Правда, с помощью телевидения и цветного кино она посмотрела почти все балеты, конкурсы молодых артистов балета, конкурсы современных балльных танцев. А на своих классных и школьных вечерах любила потанцевать в современных ритмах, и это у нее получалось тоже красиво, среди развешанных по стенам ее же больших, ярких плакатов «Хали-гали», «Сиртаки», «Летка-енка», «Твист».

В январе 1966 года Обществом польско-советской дружбы в Варшаве была открыта персональная выставка 120 композиций Нади, куда пригласили и 14-летнего автора. Сохранились одобрительные рецензии, документальный киножурнал польской хроники и альбомы с Надиными первыми набросками памятников старины и улиц столицы народной Польши. А впечатлений и переписки с польскими друзьями хватило художнице на три года, до ее кончины. Так рождался ее цикл «Воспоминания о Варшаве». Здесь и десятки оригинальных изощроток и лирических сенок из мирной жизни «Варшавской сиренки» и героические образы: «Восстание в гетто», «Узник Освенцима», «Башни Барбакана», «Варшавская Ника», «Сиренка с мечом и щитом», «Адам Мицкевич в ссылке», «Памятник Шопену». Они были представлены на выставке во Дворце пионеров в Москве и в Центральном доме работников искусств.

В июне 1967 года ЦК ВЛКСМ послал Надю Рушеву с выставкой ее работ на III Всесоюзный слет пионеров в Артек. Там ее избрали президентом КЮДИ (Клуб юных друзей искусства), она оформляла стенгазеты в пресс-центре, создавала антивоенные плакаты, участвовала в экскурсиях по достопримечательностям и музеям Крыма. Возвратилась домой с новой папкой рисунков об артековцах.

В газете «Вечерняя Москва» от 1 июня 1968 года сообщалось, что Всесоюзный музей А. С. Пушкина в Ленинграде организовал выставку надиной Пушкинианы и одновременно московский Музей Л. Н. Толстого — ее серии «Война и мир».

Академик В. А. Ватагин тогда писал: «Надя Рушева показала 75 рисунков своего юного прочтения романа. И если она рисует любимого Пьера, то как он спасал чужого ребенка при пожаре Москвы, или безоружный бросился защищать женщину от пьяного французского мародера, или как при расстреле поджигателей чуть не погиб вслед за юным мастеровым. А если Кутузова, то в избе в Филях, перед военным советом, в заботе о судьбе Москвы и России, с шестилетней Машей Севастьяновой, которую приглубил, угостил сахаром и оставил здесь же, на печке. А как удалось передать Наде множество милых радостей и заблуждений Наташи Ростовской! Прекрасна Наташа, когда, уговорив родителей, вместе с Петей и няней освобождает графские подводки для израненных солдат — героев Бородина!

Волнует Надю окрыленный Петя Ростов, когда в тылу врага он отдает свой ужин французскому мальчишке-барабанщику и когда сам гибнет в первом бою.

Завершала выставку большая и мудрая композиция — «Наташа — счастливая мать»: три дочки играют в куклы у ее ног, а она, торжествуя, держит на руках четвертого ребенка — сына!

Вот если бы теперь издать альбом ее «Войны и мира», ибо в четырех папках свыше 400 рисунков! Большой выбор».

На обсуждении этой выставки 30 июня 1968 года в Музее Л. Н. Толстого Надя Рушева выслушала высказывания молодых и старых литературоведов, которые ставили ей в пример известные работы художников Д. А. Шмаринова и В. А. Серова. Отвечая им, Надя скромно рассказывала о своем понимании романа Толстого, как читала о нем статьи

Пушкин танцует с Амалией Ризнич. 1968

В. И. Ленина, воспоминания Т. А. Кузминской, как побывала во всех толстовских местах в Москве, была в Кутузовской избе и в Бородинской панораме. Как познакомилась с материалами Отечественной войны 1812 года в Государственном Историческом музее и как осенью 1967 года обошла с большим альбомом все Бородинское поле, батарею Раевского, село Семеновское и Багратионовы флеши и сделала зарисовки с натуры (некоторые из этих этюдов висели здесь на стенах музея). Поблагодарив за внимание, Надя помечтала: «Лет через 10—15 снова возвращусь к «Войне и миру» и сделаю по-новому...» После Музея Л. Н. Толстого эта выставка экспонировалась в Цент-

ральном доме ученых и Центральном доме работников искусств, в молодежном зале.

В 1971 году, к 50-летию ленинского Декрета о заповеднике «Ясная Поляна», Тульский художественный музей широко показал рисунки Нади Рушевой к роману «Война и мир». В каталоге этой выставки были названы и перечислены 448 рисунков! И это еще не исчерпывающий список, ибо дома у родителей Нади оставался еще ряд эскизов. Поражает не только объем цикла Нади Рушевой, но и то, что это создано ею необыкновенно рано — до изучения Толстого по школьной программе в 9 классе и до выхода на экраны многосерийного фильма Сергея Бондарчука.

Надя Рушева как-то сделала редкое для художника признание: «Я живу жизнью тех, кого рисую...» Естественно, что в романе «Война и мир» она чаще увлекалась близким ей образом Наташи Ростовской с беззаботным ее детством, прелестным дружеством и волнениями молодости, ее самоотверженностью в годы Отечественной войны, ее восторженной любовью и благополучным материнством. Но и за других героев эпопеи Толстого, главных и второстепенных, всегда требующих раздумий, юная художница глубоко переживала. Здесь невозможно все перечислить, но из того, что иллюстраторы пропускали, отметим некоторые композиции: «Князь Андрей и княжна Марья с восторженно-любующим Николушкой». Надя Рушева радуется, что кризис миновал и младенец забылся здоровым сном. Она говорила: «Если бы княжна не выходила Николушку, то ее судьба и судьба ее брата, только что потерявшего жену, была бы совсем иной».

Величава надина княжна Марья в трауре по погибшим воинам.

«Пьер на батарее Раевского» имеет несколько вариантов: «Сидит на бруствере, спиной к французам и любит лица артиллеристов», «Потрясен гибелью молоденького офицера», «Попал в рукопашную», «Принимая от солдат ужин, удивляется их стойкости».

Кисть юной художницы приобретает мощь мужской хватки в крупных портретных образах: мудрый Пьер после плена, дерзкий Долохов-партизан, опустошенный Наполеон в отступлении.

В скупых рисунках чувствуется тонкое ощущение эпохи. Вместе с Толстым художница насмешлива над «заботами» великосветских салонов и скорбна, рисуя лишения народа.

«Сажу за решеткой...»

Вершиной серии «Война и мир» Нади Рушевой, на наш взгляд, являются пять композиций, раскрывающих гибель Платона Каратаева. Вначале она следовала описанию, данному Толстым: обессиленный пленный припал к дереву и с покорной улыбкой смотрит на конвоира, готового пристрелить его, а пес Серый, чую смерть друга, бегает кругом и тоскливо воет. Затем Надя, переживая за Серого весь ужас неотвратимого, предложила свой ход трагедии, в котором выразилась любовь юной художницы к животным. В окончательной ее композиции измученный, верный пес, закрывая грудь Платона Каратаева, неоглядно жертвует собой...

Завершается масштабная и своеобразная серия «Войны и мира» Нади Рушевой тремя вариантами «Мечты Николушки о подвигах».

Щедрая фантазия пятнадцатилетней художницы порождает еще ряд серий. Среди них двадцать рисунков к ее любимой печальной и смешливой сказке «Маленький принц». Других иллюстраций к ней, кроме нарисованных самим Сент-Экзюпери, Надя не видела. Она говорила: «Преклоняюсь перед обаянием автора, и все же с некоторыми его рисунками не совсем согласна: глаза принца — невидящие колечки. Он похож более на Гавроша: короткие волосы, широкие штаны, кашне. И Лис какой-то немой, некрасивый. А ведь именно Лис произносит основное в сказке: «Самое главное глазами не увидишь; зорко одно лишь сердце...»

И Надя доверительно, в параллель автору, предлагает своего маленького принца, с живыми, вопрошающими глазами, смотрящими в душу. Убедительно нашла и его возраст и внешность со светящимися золотыми кудряшками до плеч, с прозрачным звездным плащиком, развевающимся над колетом. Линии, нанесенные красным фломастером, стали определеннее и сильнее, а подцветка пастелью — обобщеннее. Трогателен этот маленький философ не от мира сего рядом с мужественным, истощенным летчиком: «Нарисуй мне барашка», «Пошли искать колодец». И конечно, — рядом с Фонарщиком, Честолюбцем, Королем, Пьяницей, Розой. В ряде вариаций — «Прощание с Лисом», «Грустный Лис» — художница поднялась до подлинной сердечности.

Немногим раньше этого времени Наде повезло знакомством с художниками-графиками Алексеем Михайловичем Лаптевым и Николаем Николаевичем Жуковым. Последний не раз увлеченно просматривал в своей мастерской папки рисунков Нади, беседовал с ней, дарил книги и цветные фломастеры, которыми тут же нарисовал ее портрет в возрасте тринадцати лет, с двумя косичками, склоненной над листом бумаги. В фильме «Надя Рушева» Николай Николаевич Жуков тепло вспоминает о юной художнице: «Я убежден, что линейный рисунок имеет специфику: в нем больше лаконизма, ясности, прямоты мысли. И мне приятно отметить, что все рисунки Нади Рушевой были линейными, певучими, очень пластичными и красивыми. Содержали глубокую мысль. До знакомства с Надей я видел ее фантазии на выставках, в журнале «Юность», и, откровенно говоря, я представлял ее де-

А. Керн. 1966

вочкой энергичной, брызжущей весельем. А оказалось — нет: она была замкнутой и очень сдержанной. Это явление чрезвычайно редкое! Видимо, вся та потенция, которая клочотала внутри, все время выливалась на эти бесконечные листы бумаги. Действительно, феноменально, что за свои семнадцать лет жизни девочка создала и оставила своему народу свыше 10 000 уникальных рисунков».

Жуков познакомил Надю со старейшим писателем-пушкинистом Арнольдом Ильичом Гессеном, который в том же документальном фильме так рассказывает о ней: «На 95-м году своей жизни я привык ничему уже не удивляться. Но — Надя Рушева! Откуда у этой девочки

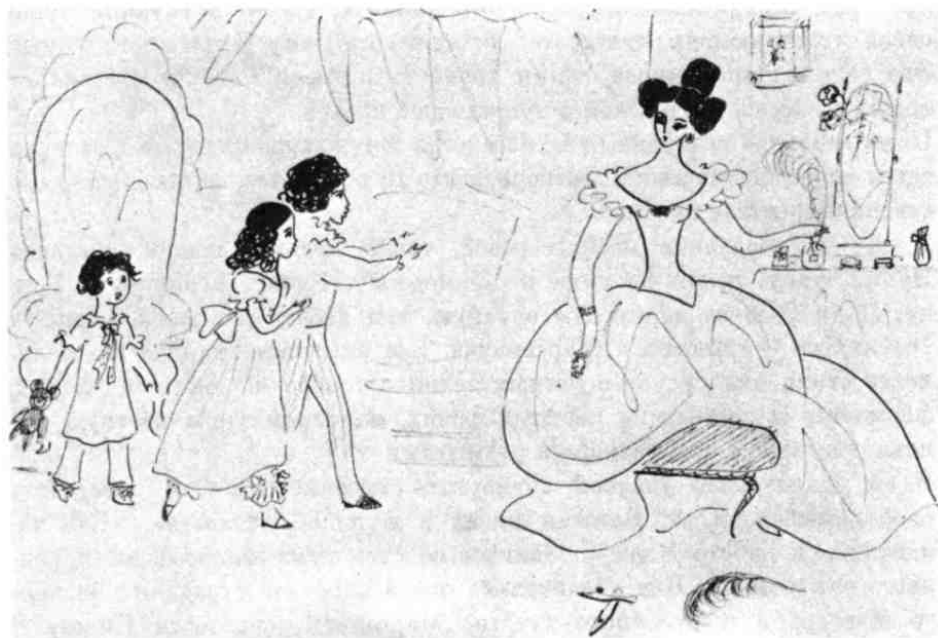

такое глубокое и изящное чутье художника? Откуда такое ясновидящее проникновение в дух и настроения Пушкина и его эпохи? Я тогда работал над своей новой книгой «Жизнь поэта», которую задумал иллюстрировать только рисунками самого поэта. Но до двадцати лет Пушкин не рисовал! Надя! Восполните этот его невольный пробел? И я дал ей почитать в рукописи две свои первые главы «Детство» и «Лицейский Парнас». Надя не сразу ответила. Подумала несколько минут. Потом сказала: «Попытаюсь».

Через месяц мы снова встретились. В ее папке лежало более семидесяти рисунков. Они были совершеннее прежних, перенесли нас в знакомый с детства пушкинский мир».

Это было в начале февраля 1969 года, а через месяц Нади Рушевой не стало...

Сейчас мы впервые публикуем часть из ее Пушкинианы в альбоме. Вот он, XIX век! — и годовалый Саша вскинут вверх гибкими руками счастливой матери Надежды Осиповны Пушкиной. В полтора годика Саша с няней Ариной Родионовной встретили у Летнего сада императора Павла, и тот, хотя накрапывал дождь, заставил снять у дитя картуз. А вот Саша с сестрой Ольенькой в четыре года, в шесть и девять лет. «За что освистан был я из партера? За то, что заимствовал у Мольера...» Много рисунков: Саша мечтает в Захарове, вот он в садах Юсупова, в гостях у дядюшки — известного поэта Василия Львовича Пушкина, который отвезет племянника в Лицей. И так Надя Рушева впервые в нашей графике откликнется на все события жизни поэта, жизни в окружении его друзей и врагов. В ее рисунках впервые видим его ловко танцующим со своими избранницами, впервые видим, как перед кончиной поэт благословлял своих четверых детей. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве в октябре — декабре 1970 года экспонировал первую крупную посмертную выставку рисунков Нади Рушевой. В каталоге высоко оценена Пушкиниана Нади: «Нам раскрываются человеческие свойства художницы: ее отзывчивость, ее доброта, живость ее характера. Рисунки на пушкинские темы сознательно сделаны с ориентацией на графику самого поэта. В них чувствуется та легкость, стремительность, краткость, которые делают рисунки Пушкина исключительным явлением графического искусства. Но Надя нигде не подражает поэту,

В детской Пушкиных. 1966

она не стилизует свои рисунки «под Пушкина» (как это бывало иногда с вполне профессиональными художниками), но берет тот беглый и вместе с тем предельно точный лаконизм, то чувство «соразмерности», которое в нашем представлении неразрывно связано с образом, поэзией и графикой Пушкина.

Через Пушкина, Лермонтова (рисунки к «Бэле», «Маскараду», «Демону»), Гоголя («Ревизор», «Вий», «Нос») Надя пришла в последние месяцы своей жизни к творчеству Михаила Булгакова. Ее поразило вступительное слово Константина Симонова к роману «Мастер и Маргарита»: «Есть в этой книге какая-то безрасчетность, какая-то пред-

смертная ослепительность большого таланта, где-то в глубине души своей чувствующего краткость оставшегося ему жизненного пути. Это великолепная проза, нагая точность которой вдруг заставляет вспомнить о лермонтовской и пушкинской прозе».

Пронзительное созвучие охватило тогда юную художницу. Ее увлекла здесь еще и возможность сотворить что-то особенное, не имея предшественников-иллюстраторов.

И вот за последние месяцы своей, такой краткой жизни, создавая Пушкиниану, делая рисунки к Лермонтову, Блоку, Есенину, А. Грину, Надя Рушева дарит нам звучную, как лебединая песня, серию в 165 листов — «Мастер и Маргарита». Без опасения нарушить цельность стиля она рисует в разных техниках: перо на цветных фонах, фломастер и пастель на цветных фонах, монохромную и цветную монотипию, перо с акварельными размывами.

И ей удивительно удалось совместить несовместимое и завершить свой замысел. В. А. Ватагин писал в журнале «Юность»: «Как талантливо и просто Надя справилась со сложными философскими концепциями романа! Как убедительна она в передаче страданий больного Мастера и жертвенного чувства Маргариты, суровости Пилата и одержимости Иешуа, животной силы Крысобоя и предательства Иуды, фантазмагории Воланда и его бесовских спутников, а также в сатирических образах Ивана Бездомного, управдома, буфетчика, бюрократов...»

Заканчивается Надина серия тревожными, символическими акварелями: «Полет в бесконечность» и «Прощайте!»

В декабре 1968 года основная часть этих рисунков была выставлена в Центральном доме работников искусств, а в октябре — декабре 1970 года в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Во вступительной статье каталога отмечено: «Здесь Надя Рушева выступает в нечастой и для взрослого художника роли: первооткрывателя пластических аналогий к значительному литературному произведению. У Нади здесь не было предшественников, и от этого особенно поражает зрелость ее прочтения булгаковского романа, ее способность легко переключаться из лирического плана в бытовой, из бытового — в фантастический, из фантастического — в исторический. Эти иллюстрации

Маргарита выхватывает рукописи из печки. 1968

Нади Рушевой — законченные произведения искусства, и интересно было бы видеть издание этого романа с ее рисунками».

К этому пожеланию присоединяются и записи во всех книгах отзывов на многочисленных посмертных Надиных выставках, итоговые письма музеев страны, многие десятки положительных рецензий в республиканских, областных и городских газетах.

Просмотр нашего альбома приближается к концу. Перед нами — «Аполлон и Дафна».

Слово наставнику Нади Рушевой, академику Василию Алексеевичу Ватагину: «В последний раз мы виделись с Надей в моей мастерской

в январские школьные каникулы 1969 года. Она была уже высокая, стройная, сильная; ее прекрасные восточные глаза были спокойны и теплы. Как всегда, она молча показывала свои новые папки: из «Пушкинианы», из «Античности», из серии «Современная молодежь», из «Мастера и Маргариты», при этом больше старалась смотреть на мои работы.

Уже после ее внезапной кончины (от кровоизлияния в мозг, дома, в школьной форме... утром 6 марта) я, потрясенный, сквозь слезы перебирал ее последнюю папку... и вдруг, как ее предчувствие — прозрачная, красивая композиция: «Аполлон и Дафна».

Хочется напомнить содержание этого горестного мифа. Светлый и радостный бог солнца и искусства Аполлон знает и печаль; его постигло горе. Когда, гордый своей победой над чудовищем Пифоном, он увидел около себя юного бога любви Эроса с золотым луком, то смеясь сказал ему: «На что тебе, дитя, такое грозное оружие? Тебе ли равняться со мной, стреловержцем?» Обиженный Эрот вынул две стрелы, и одной, ранящей сердце и вызывающей любовь, он поразил Аполлона, а другой, убивающей любовь, — юную нимфу Дафну. Лишь только увидела Дафна златокудрого Аполлона, она пустилась бежать; влюбленный, он быстро настигал ее. Взмолилась Дафна: «Расступись, земля, и поглоть меня!». И тотчас онемели ее члены, кора покрыла ее нежное тело, волосы обратились в листву, а руки, поднятые к небу, превратились в ветви стройного деревца лавра. Долго, пораженный, стоял Аполлон перед лавром и, наконец, промолвил: «Пусть же венок лишь из твоей зелени украшает мою голову, пусть отныне украшаешь ты своими листьями мою кифару и колчан. Пусть никогда не вянет твоя зелень!»

Пусть же множество самобытных листов беспримерного творчества юной Нади Рушевой всегда будет украшать наше искусство!»

И теперь большинство наших современников отождествляет Надю с легендарной Дафной, сгоревшей в лучах Аполлона... Но им возражает доктор искусствоведения Алексей Алексеевич Сидоров, глубоко интересовавшийся рисунками художницы с 1965 года.

«Надя — не Дафна, — говорит А. А. Сидоров. — Ибо Дафна — не героиня: она случайно оказалась рядом с Аполлоном и Эротом, а Надя — героиня: семнадцать лет жизни, и оставить людям такое обширное,

зрелое и новаторское духовное богатство. Я не знаю другого подобного примера в истории изобразительного искусства. Среди поэтов, музыкантов редко, но были необычайно ранние творческие взрывы; у художников же — никогда: вся юность у них уходит на штудию и освоение мастерства».

Замечателен рисунок из триптиха «Подвиг Зои». Старые женщины ночью, таясь, вынули из петли юную героиню, молча плачут над ней и готовятся к захоронению.

В дни американской агрессии во Вьетнаме и израильской на Ближнем Востоке юная художница создала цикл «Дети и матери мира». И как последний призыв-завещание Нади Рушевой был ее рисунок «Матери мира — за мир!».

Заканчиваю эту вступительную статью за рабочим столиком Нади... Сегодня семь лет со дня внезапной ее кончины... В комнате ничего не изменилось. На полке с любимыми книгами — рядок цветных фломастеров и подарков. На тумбочке — ее куклы, кактусы и цветы.

В коридоре — книжные шкафы до потолка, а в соседней комнате, среди шкафов с рисунками — стеклянный секретер с книгами отзывов. Их подарили неутешным родителям Нади после посмертных выставок многие музеи. Раскрываю первую попавшуюся книгу:

«Надя — Моцарт рисунка!»

Студентка Казанского университета

«Пушкин и Надя — драгоценный слиток...»

Пушкинисты

«Мы стали богаче и просветленнее. Спасибо тебе, Надюша!...»

Твои сверстники из Комсомольска-на-Амуре

«С интересом познакомился в ГМИИ с выставкой нашей землячки Нади Рушевой. Большой талант, несомненный».

*Салчак Тока, первый секретарь Тувинского обкома КПСС,
писатель, лауреат Государственной премии*

«Это — чудо!»

Орест Верейский, член-корреспондент Академии художеств СССР

«Беспощадная жестокость судьбы вырвала из жизни только что расцветший талант гениальной московской девочки Нади Рушевой. Да, гениальной — теперь уж нечего бояться преждевременной оценки».

В. А. Ватагин, действительный член Академии художеств СССР

«Надино возвышающее искусство за последние 10 лет выдержало испытание временем! Ждем альбома ее рисунков и книг о ней».

Студенты Якутского и Алма-Атинского университетов

В книгах отзывов всегда много стихов, посвященных Наде.

Г. В. ПАНФИЛОВ

РЕПРОДУКЦИИ

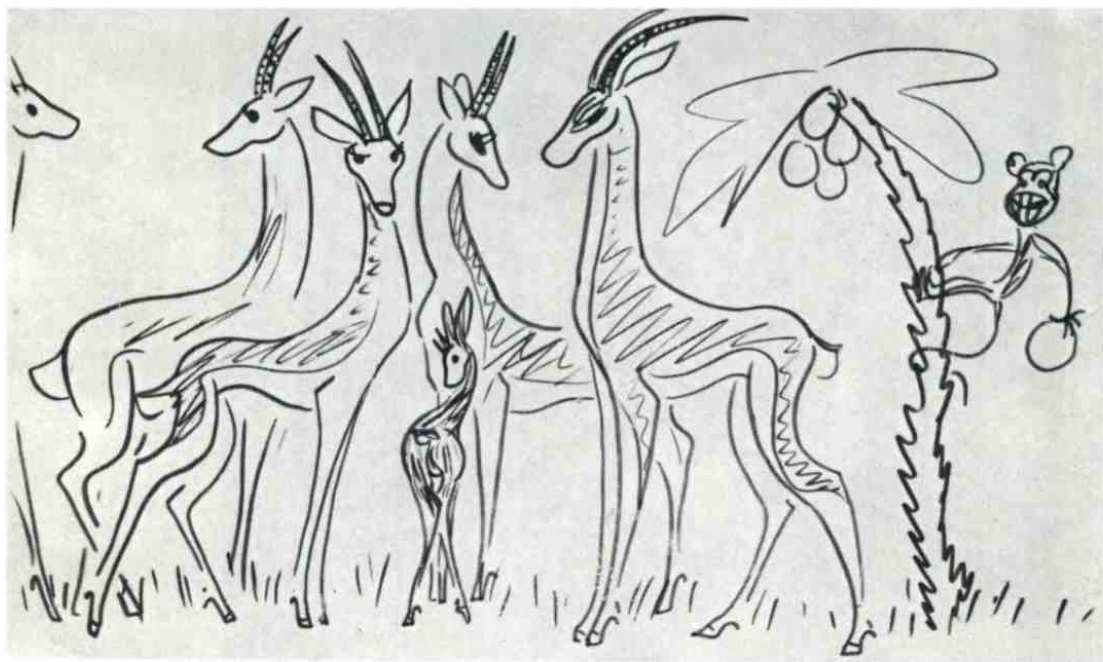

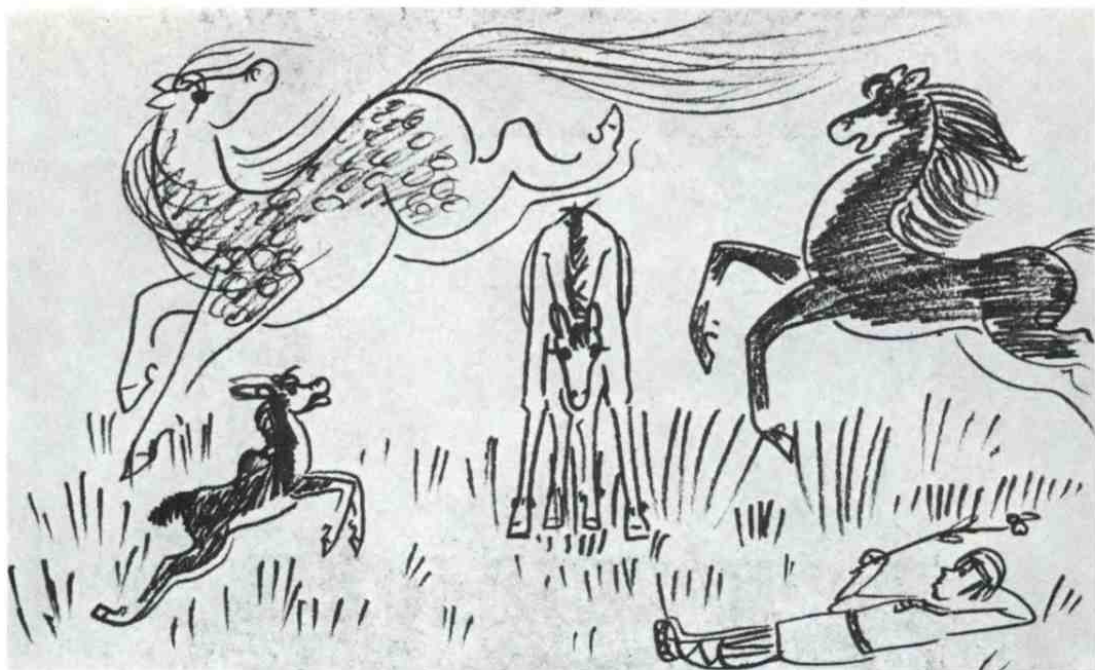

1. Ритуальный танец тувинского охотника. 1965

2. Антилопы и маргышка. 1964

3. Конек-горбунок. 1964

4. Маугли и Багира. 1966

5. Нимфа и сатирик. 1966

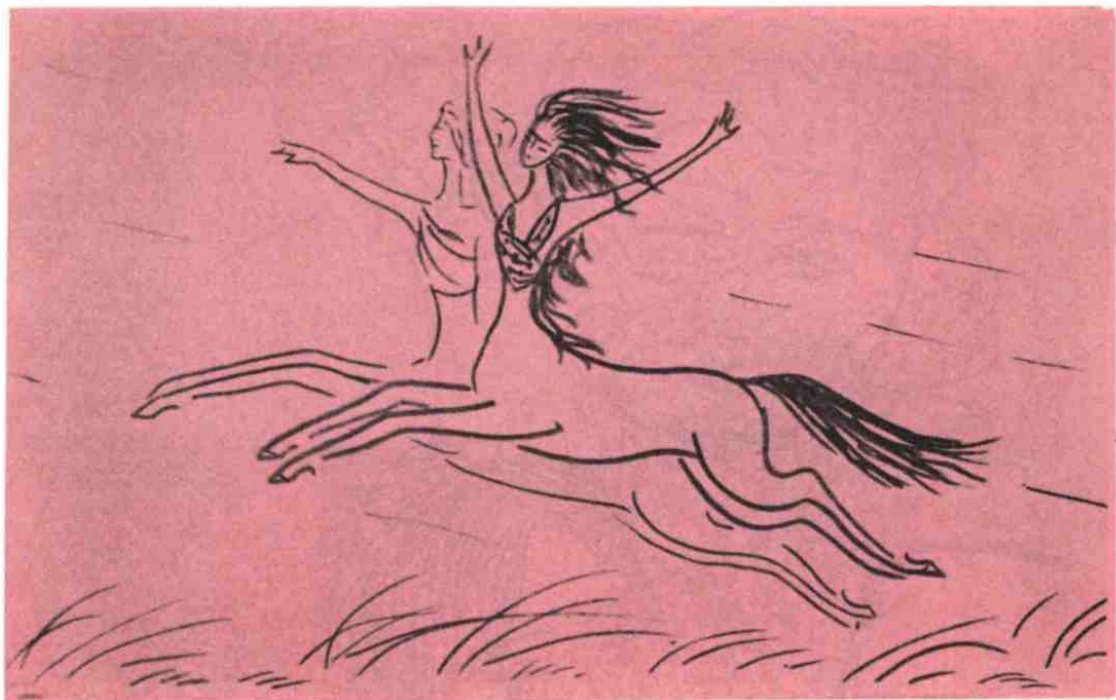

6. Сатиресса поит кентавра. 1966

7. Геракл и Деянира. 1965

8. Бег кентавриц. 1965

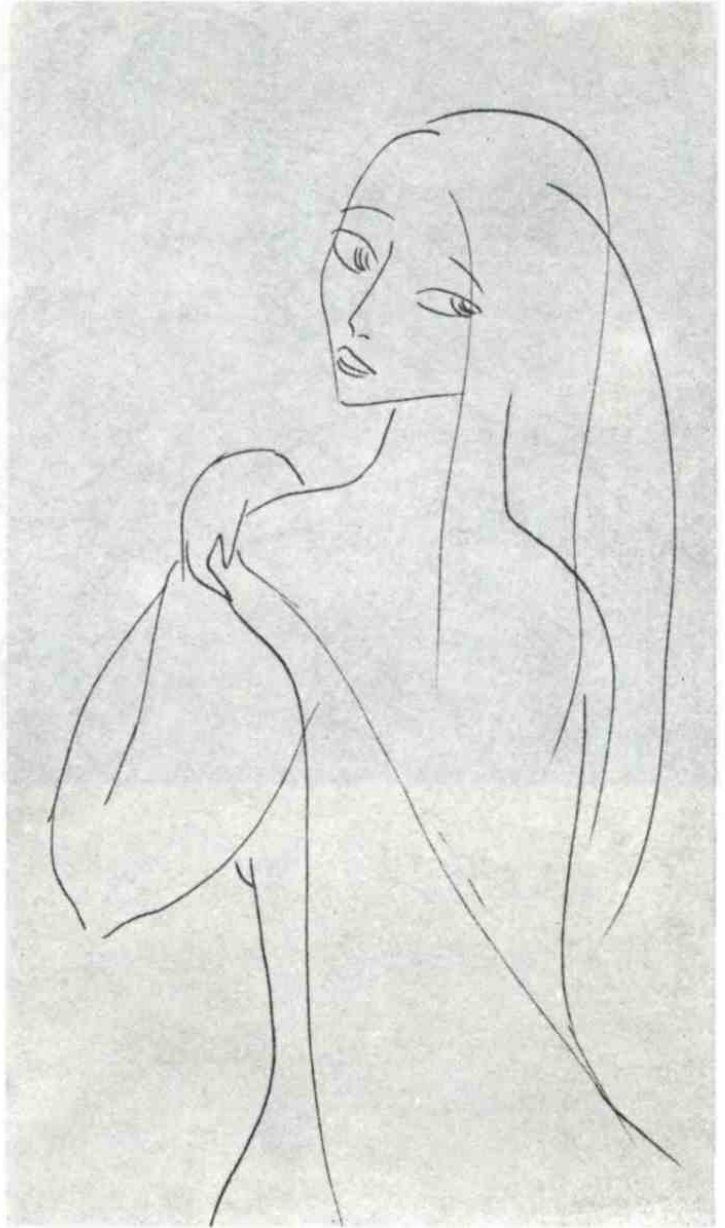
9. Встреча Вакха и нимфы. 1968

10. Ева. 1967

11. Адам и Ева. 1967

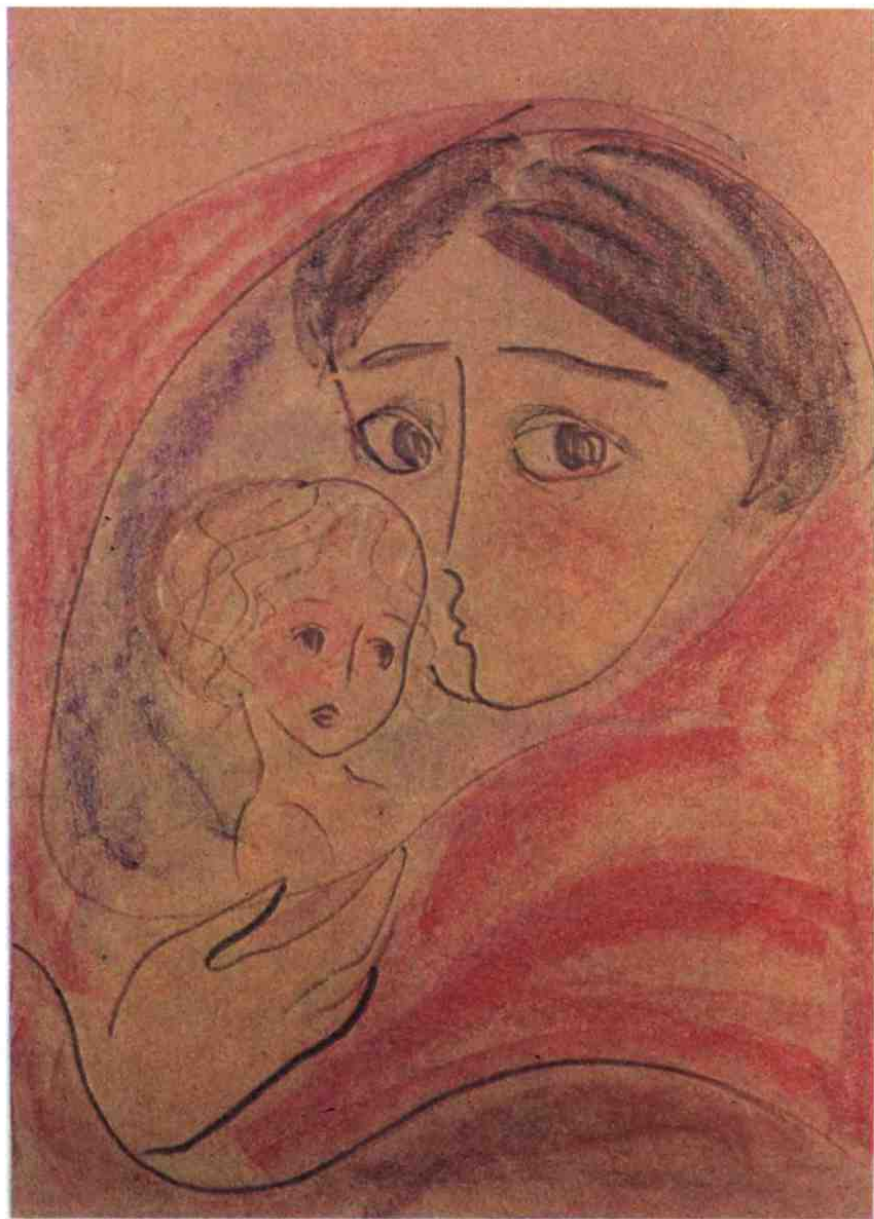
12. Дочь Лаконии

13. Марсельеза. 1965

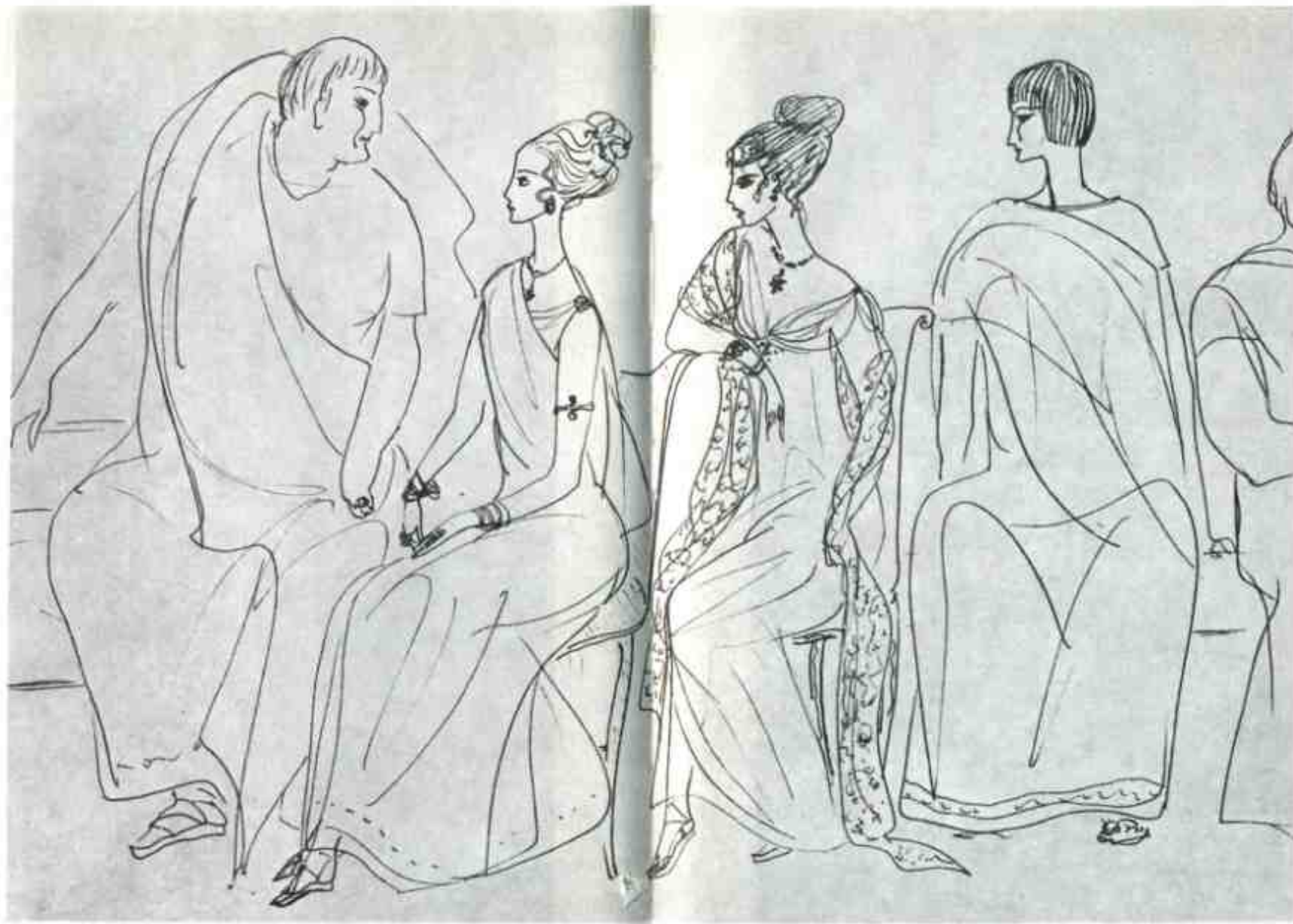

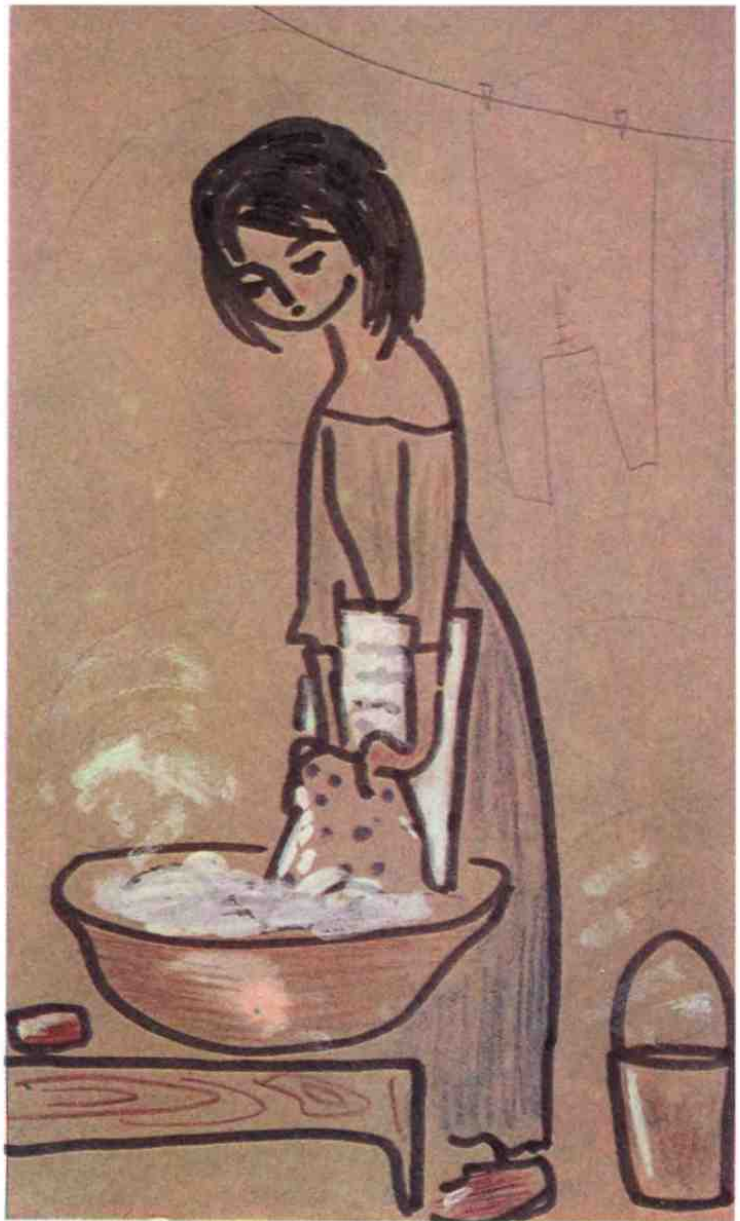
14. Плач над Зоей. 1966

15. Матери мира — за мир! 1967

17. Козерра. 1966

18. Шутки. 1967

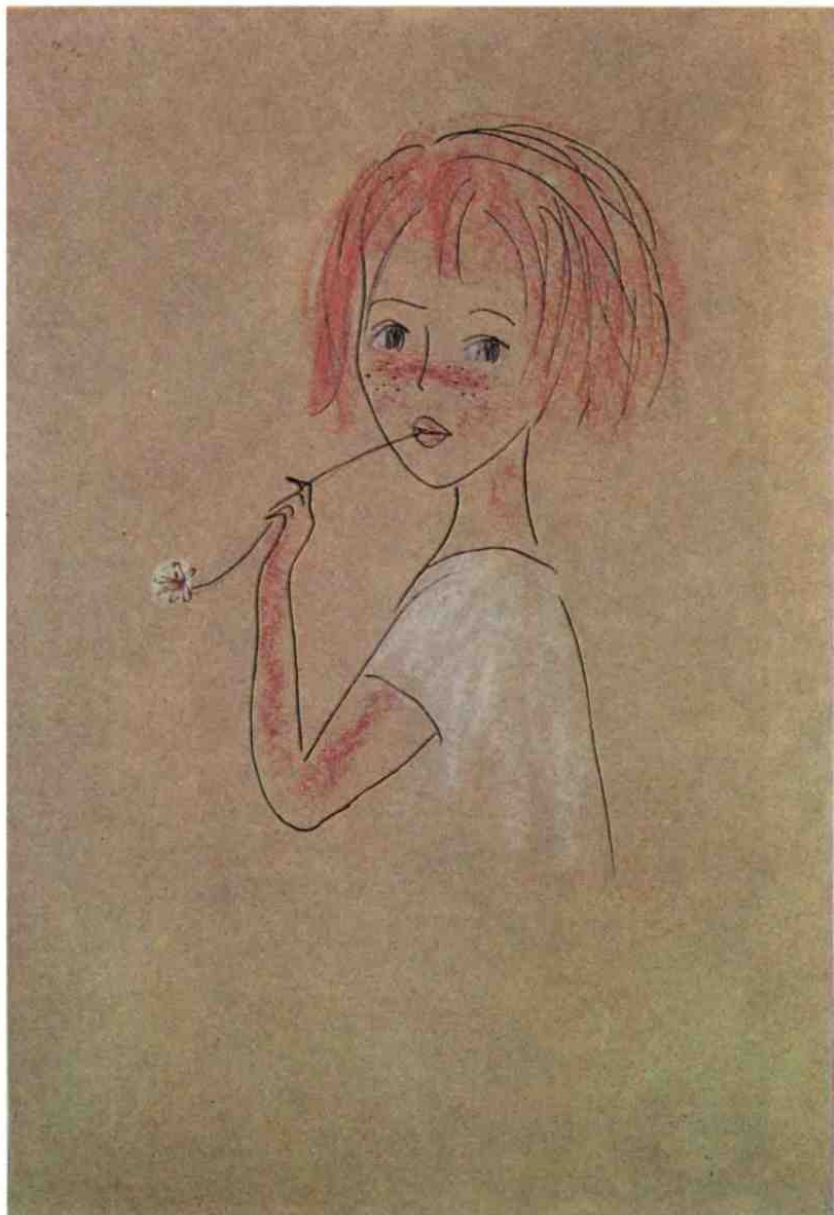
19. Маленький принц с Розой. 1967

20. Прощание с Лисом. 1967

21. Грустный Лис. 1966

22. Веснушки. Сережа Есенин. 1966

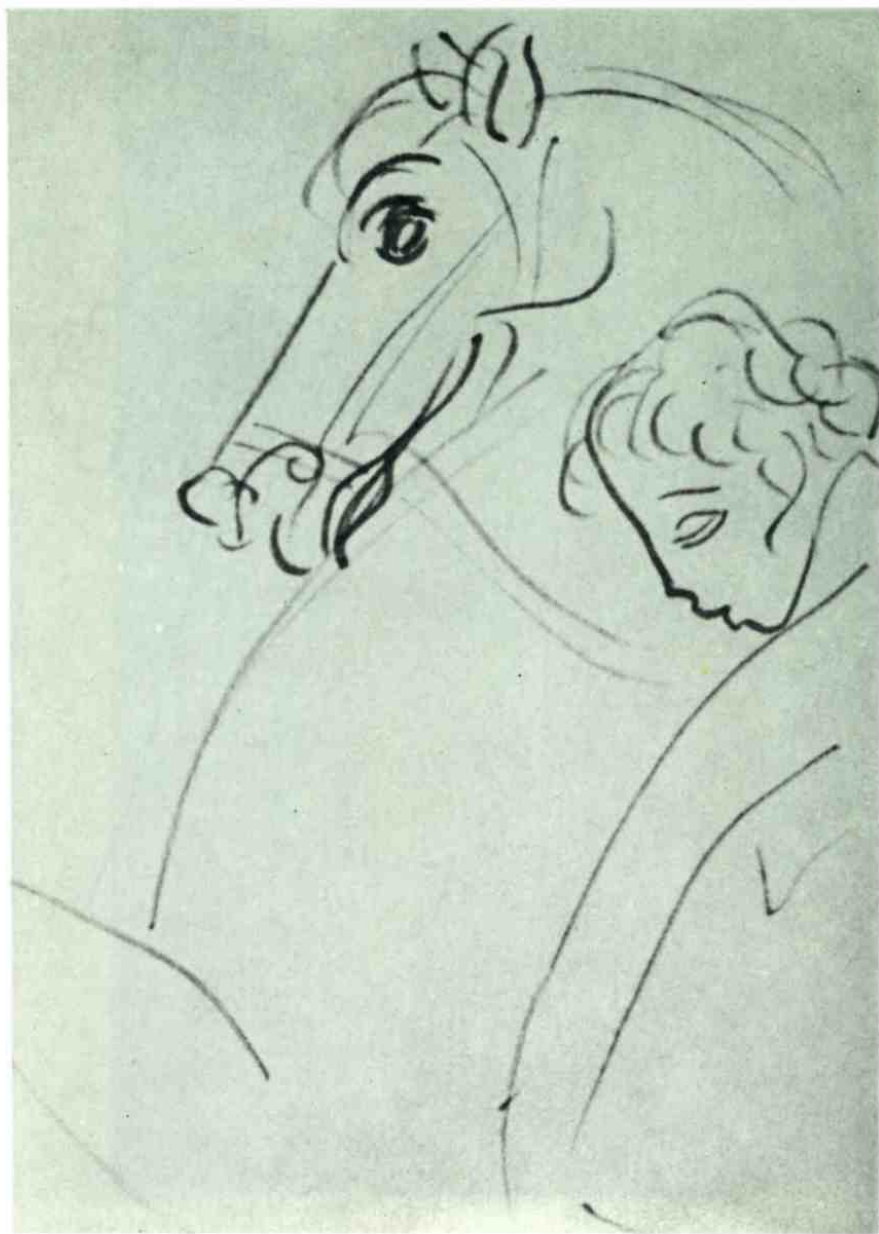

23. Наташа на окне в Отрадном. 1966

24. Наташа и Пьер. 1966

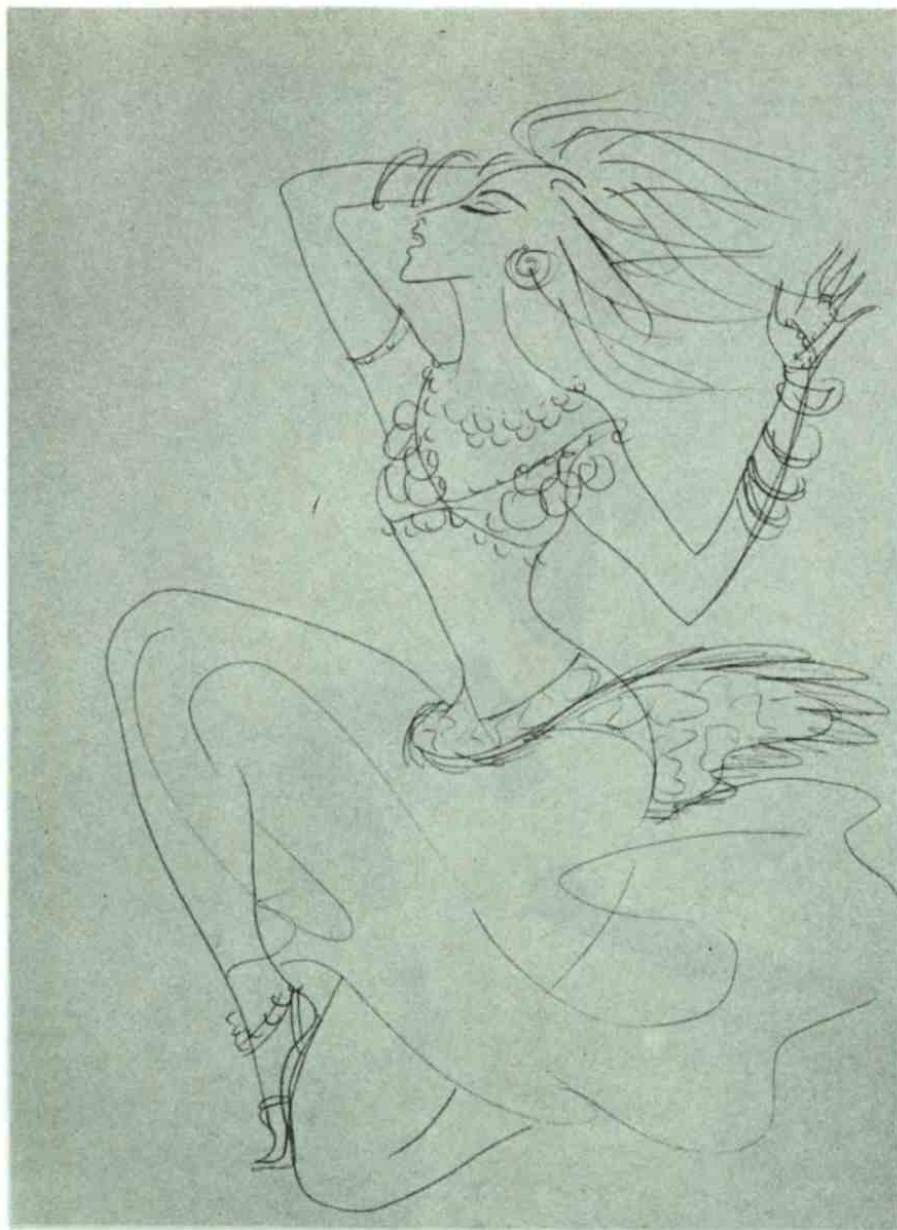
25. Гибель Пети Ростова. 1968

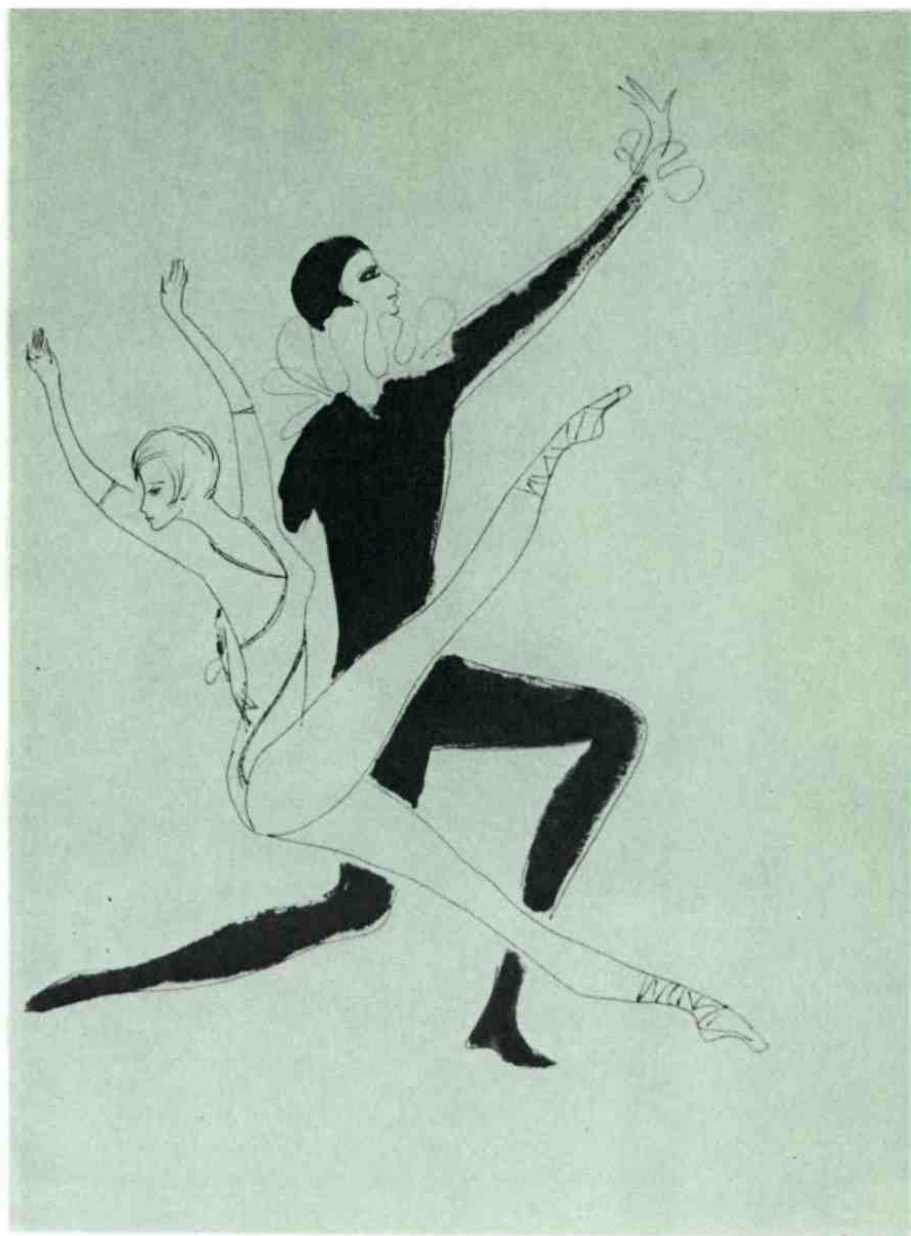
26. Наташа Ростова с куклой. 1966

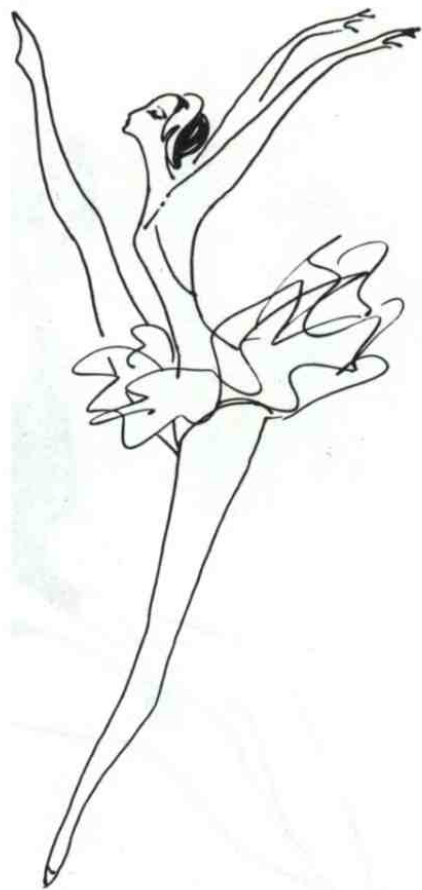
27. Автопортрет в пятнадцатилетнем возрасте в Манеже. 1968

28. Танец Шехерезады. 1968

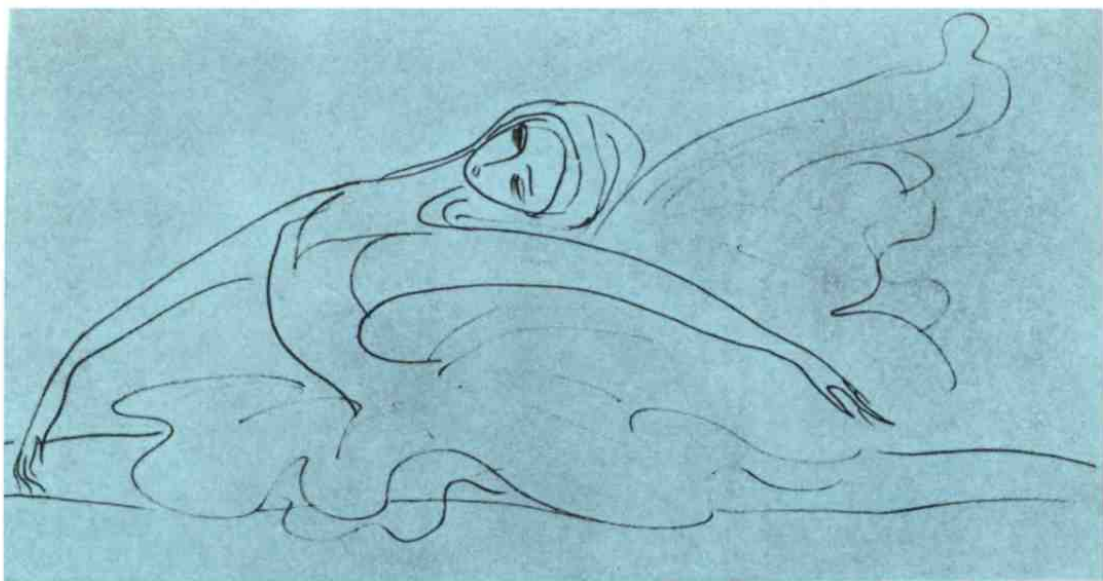
29. Танец Пьеро и Коломбины. 1967

31. Отдых балерины. 1968

32. Майя Плисецкая. Умирающий лебедь, 1967

33. Саша Пушкин с сестрой. 1968

34. На руках у Надежды Осиповны. 1968

35. Поэт в тринадцатилетнем возрасте. 1968

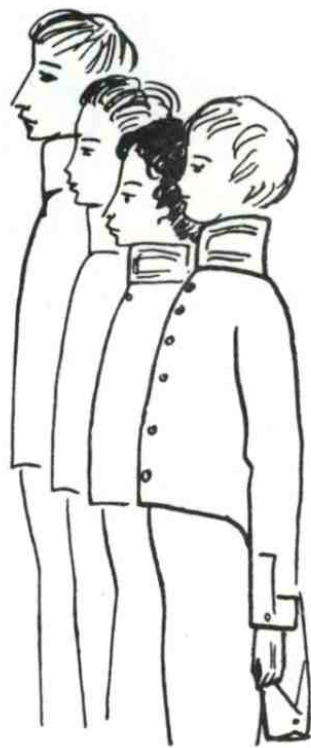

36. Шестнадцатилетние лицеисты Пушкин и Пуштин. 1968

37. «Встает на западе светило.» 1968

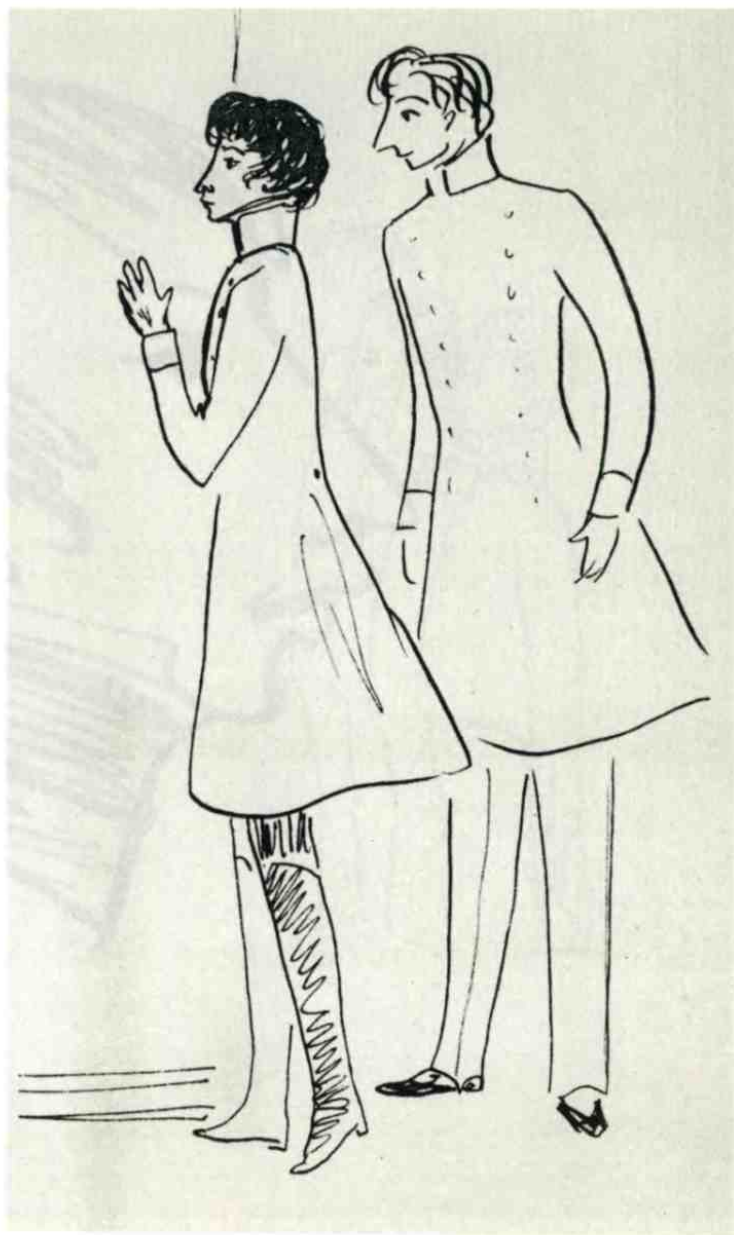

39. Лицейсты-вольнодумцы Кюхельбекер, Пущин, Пушкин, Дельвиг. 1969

40. Портрет восемнадцатилетнего Кюхельбекера. 1968

41. Лицейсты Пушкин и Дельвиг в четырнадцатилетнем возрасте. 1968

42. Пушкин и Анна Керн. 1968

43. «Папа, пойдем играть!»

44. Наталья Николаевна на даче. 1969

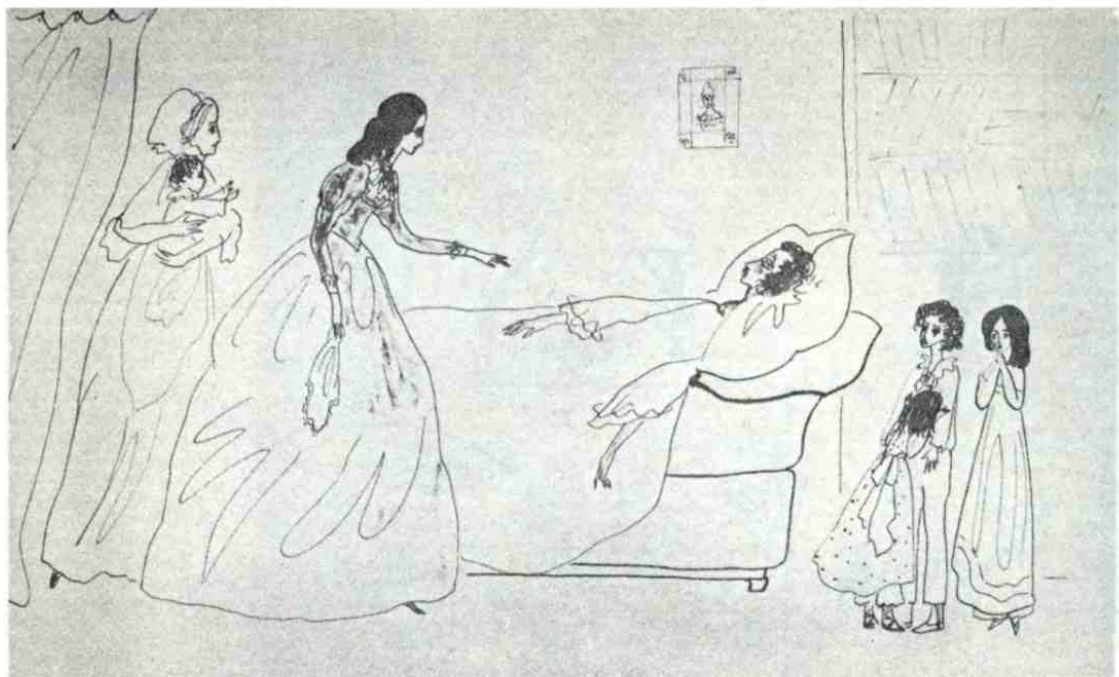
45. Праздник в доме Пушкиных. 1966

46. Поэт в тридцатилетнем возрасте. 1969

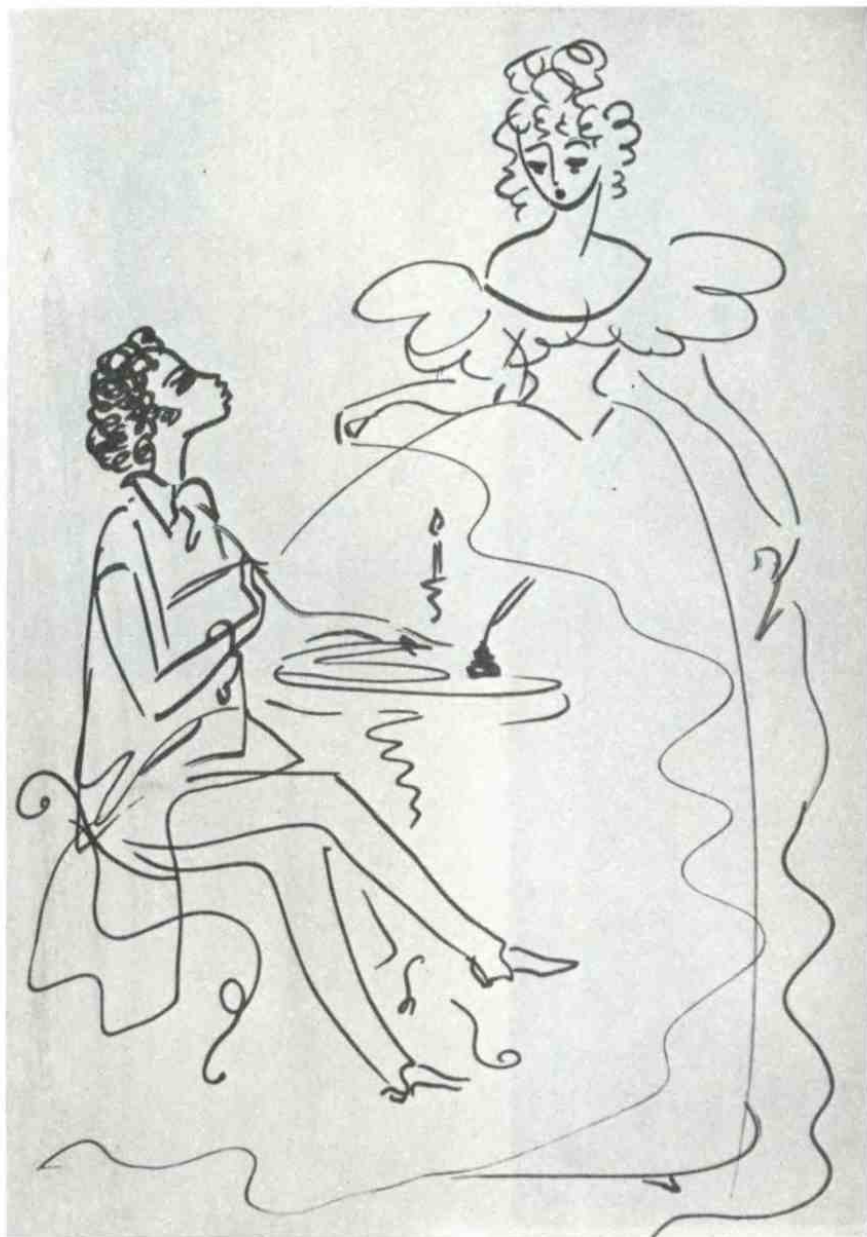

48. Умирающий Пушкин. 1968

49. Письмо Татьяны. 1965

50. Юный поэт и дама его мечты. 1967

51. Калипсо. 1967

52. Земфира на рассвете. 1965

53. Зарема. 1966

54. Автопортрет (рисующей на полу). 1968

55. Мольер и Арманда. 1968

56. Маргарита преображенная. 1968

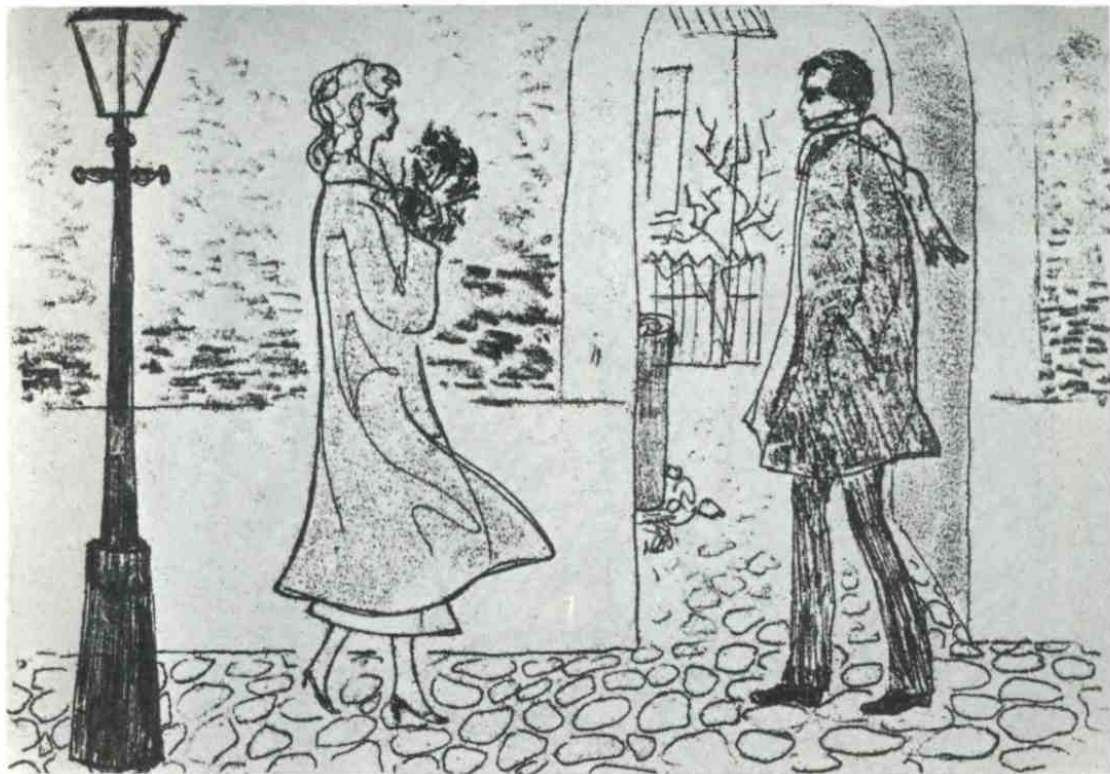
57. Мастер задумался

58. Гелла и буфетчик. 1968

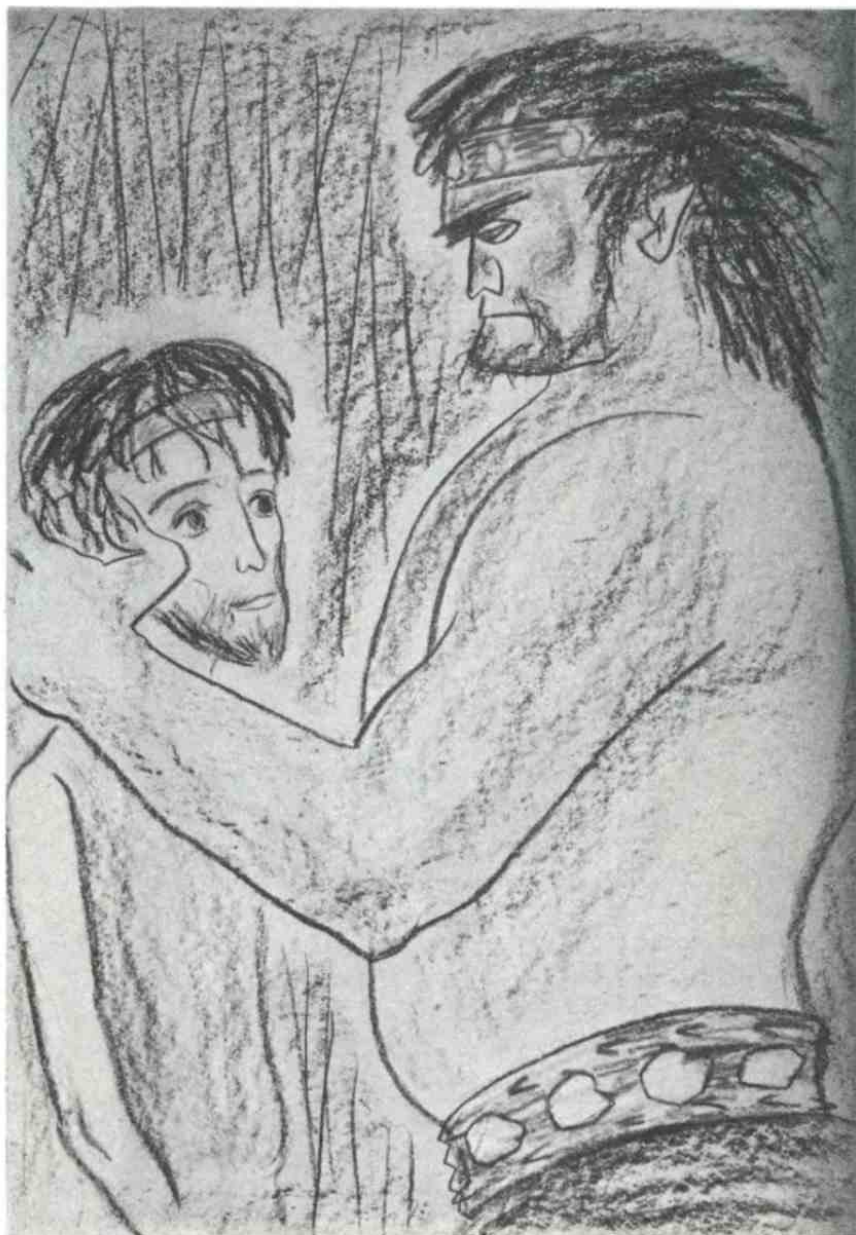
59. Бал у Сатаны, 1968

60. Первая встреча Мастера и Маргариты. 1968

61. Коровьев и Кот. 1968

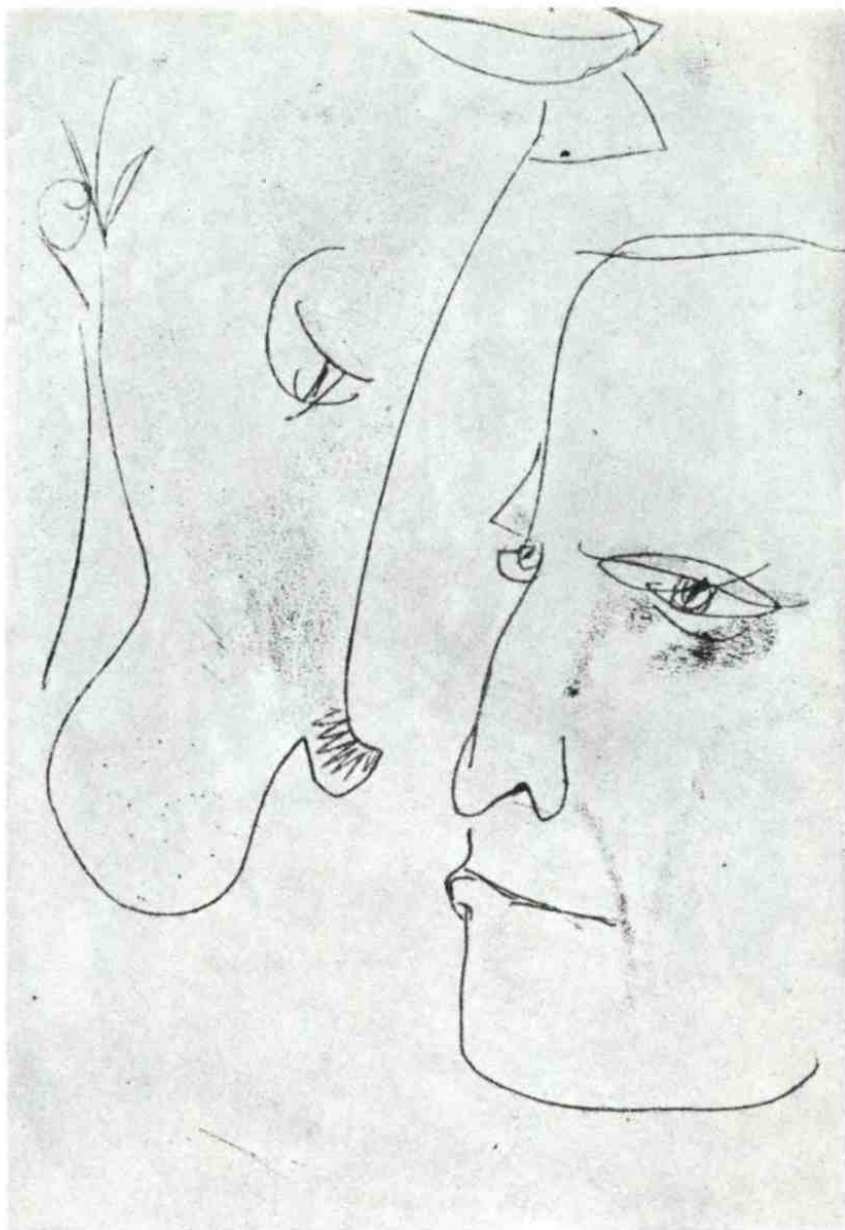
62. Иешуа и Марк Крысобой, 1968

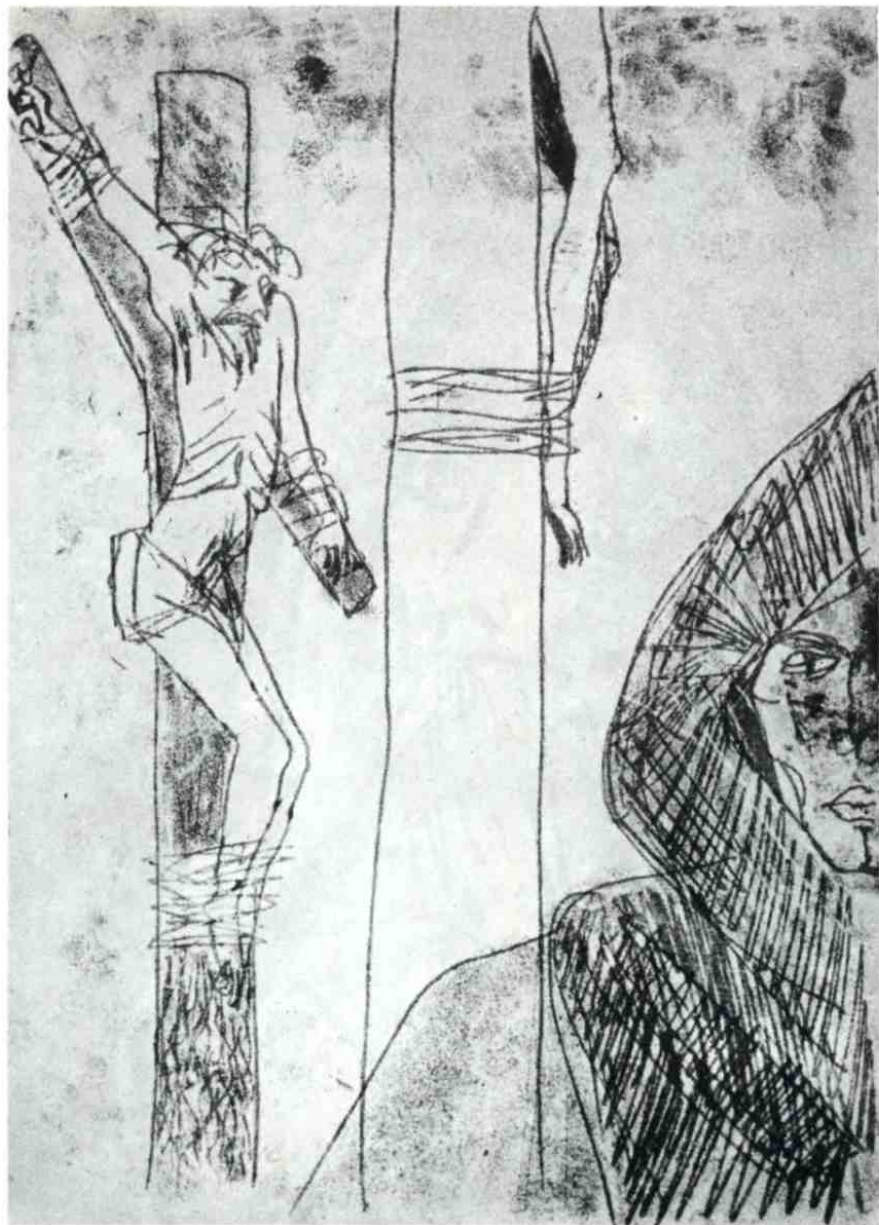
8

63. Иешуа осужден. 1968

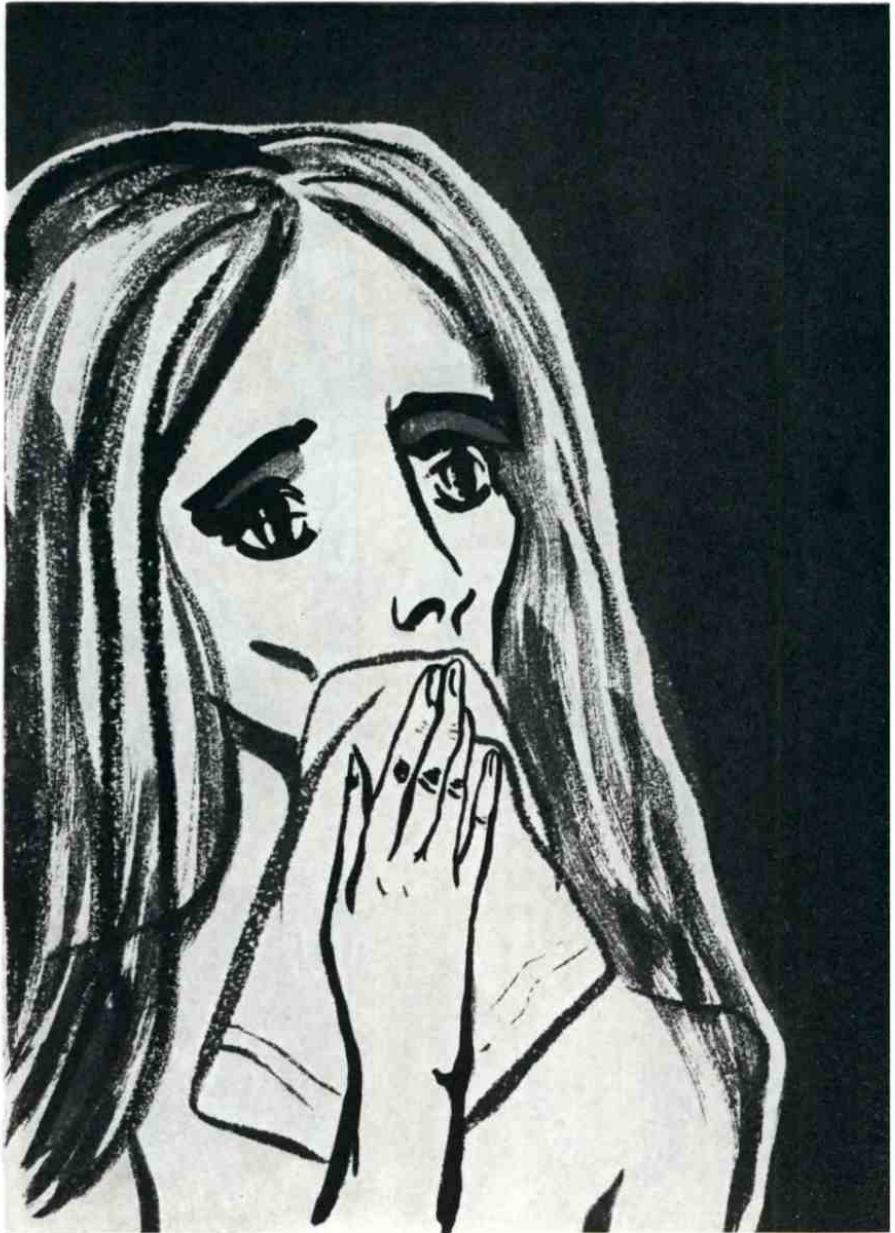

64. Понтий Пилат с псом. 1988

65. Голгофа. 1968

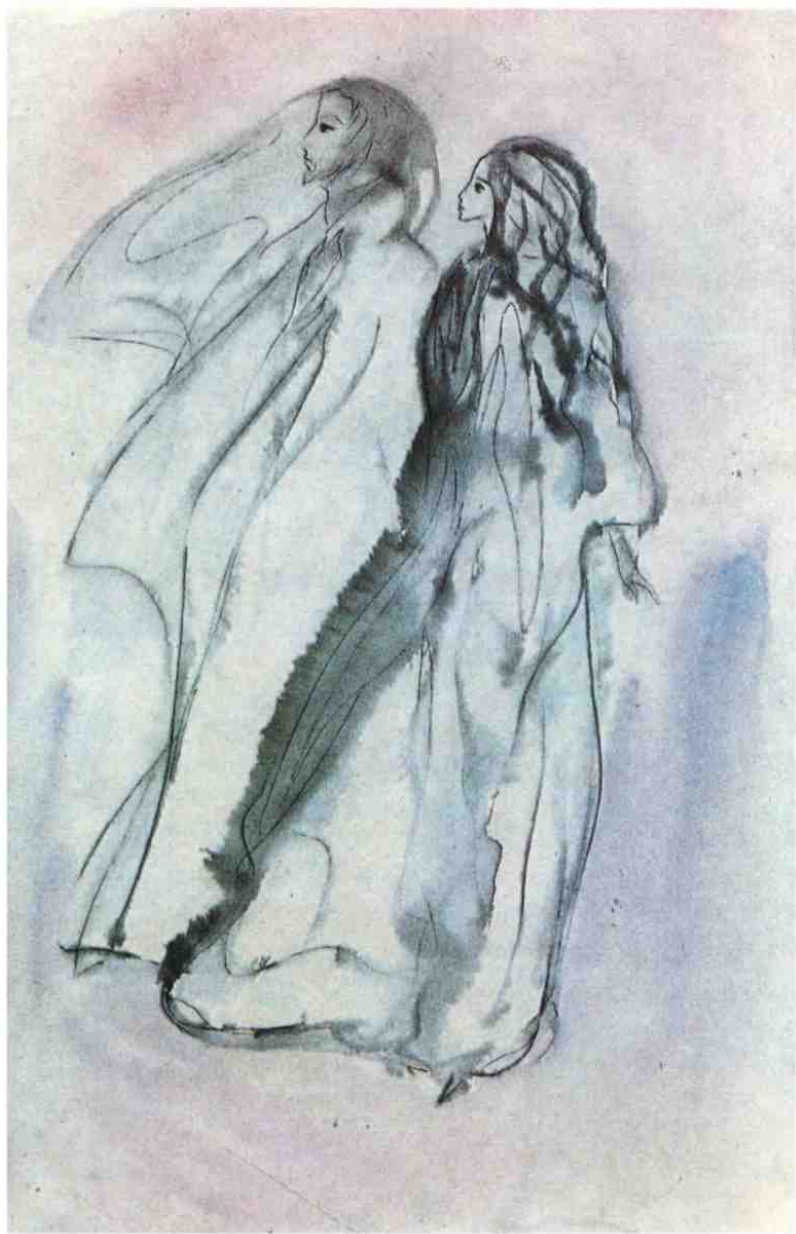
66. Мольба Фриды. 1968

67. Низа — красавица Ершалаима. 1968

68. Полет в бесконечность. 1969

69. Прощайте! 1969

70. Адам Мицкевич. 1968

71. Непокоренная. 1968

72. Аполлон и Дафна. 1969

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРЕЧЕНЬ РЕПРОДУКЦИЙ

РЕПРОДУКЦИИ В ТЕКСТЕ

- Вальс кентавриц. 1967
Перо. 13×25 см
Кентавренок с венком. 1968
Фломастер. 26×19 см
Молодежь и школьники на выставке
в Манеже. 1967
Перо. 21×30 см
Испанский танец. 1968
Перо. 19×12 см
Четырехлетний Саша Пушкин
с сестрой. 1968
Перо. 12×9 см
Пушкин мечтает в садах Юсупова. 1968
Перо. 7×7 см
Пушкин в пятнадцатилетнем возрасте.
1968
Перо. 15×21 см
Пушкин танцует с Амалией Ризнич.
1968
Перо. 15×11 см
«Сижу за решеткой...»
Перо. 13×14 см
А. Керн. 1966
Перо. 19×8 см
В детской Пушкиных. 1966
Перо. 14×20 см
Маргарита выхватывает рукопись
из печки. 1968
Монотипия. 21×30 см

РЕПРОДУКЦИИ В АЛЬБОМЕ

1. Ритуальный танец тувинского охотника. 1965
Фломастер, пастель. 42×49 см
2. Антилопы и мартышка. 1964
Фломастер, пастель. 30×49 см
3. Конек-горбунок. 1964
Фломастер на цв. бум. 30×50 см
4. Маугли и Багира. 1966
Фломастер, пастель. 30×43 см
5. Нимфа и сатиренок. 1966
Фломастер, пастель. 34×20 см
6. Сатиресса поит кентавра. 1966
Перо. 23×21 см
7. Геракл и Деянира. 1965
Перо. 21×15 см
8. Бег кентавриц. 1965
Фломастер, пастель. 27×45 см
9. Встреча Вакха и нимфы. 1968
Фломастер, пастель. 36×55 см
10. Ева. 1967
Перо. 25×14 см
11. Адам и Ева. 1967
Тушь на тонированной бумаге
12. Дочь Лаконии
Перо. 26×15 см
13. Марсельеза. 1965
Фломастер, пастель. 33×22 см
14. Плач над Зоей. 1966
Цв. карандаш, пастель. 66×20 см
15. Матери мира — за мир! 1967
Фломастер, пастель. 51×36 см
16. Красс со свитой. 1968
Перо, тушь. 24×30 см
17. Козетта. 1966
Фломастер, пастель. 30×18 см
18. Шутки. 1967
Фломастер, пастель. 23×11 см
19. Маленький принц с Розой. 1967
Фломастер, пастель. 39×26 см
20. Прощание с Лисом. 1967
Фломастер, пастель. 27×15 см
21. Грустный Лис. 1966
Фломастер, пастель. 24×13 см
22. Веснушки. Сережа Есенин. 1966
Перо, пастель. 29×20 см
23. Наташа на окне в Отрадном. 1966
Фломастер, пастель. 50×32 см
24. Наташа и Пьер. 1966
Перо. 20×20 см
25. Гибель Пети Ростова. 1968
Фломастер на цв. бум. 28×20 см
26. Наташа Ростова с куклой. 1966
Кисть, пастель. 29×16 см
27. Автопортрет в пятнадцатилетнем
возрасте в Манеже. 1968
Монотипия. 21×15 см

28. Танец Шехерезады. 1968
Фломастер, пастель. 37×27 см
29. Танец Пьеро и Коломбины. 1967
Кисть, перо. 27×20 см
30. Соло балерины. 1968
Перо. 25×13 см
31. Отдых балерины. 1968
Перо. 20×13
32. Майя Плисецкая. Умиравший лебедь. 1967
Фломастер, пастель. 26×49 см
33. Саша Пушкин с сестрой. 1968
Перо. 17×13 см
34. На руках у Надежды Осиповны. 1968
Перо. 17×12 см
35. Поэт в тринадцатилетнем возрасте. 1968
Перо. 12×9 см
36. Шестнадцатилетние лицеисты Пушкин и Пуцин. 1968
Перо. 13×7 см
37. «Встает на западе светило». 1968
Перо. 17×11 см
38. Поэт в возрасте шестнадцати лет. 1968
Перо. 5×5 см
39. Лицеисты-вольнодумцы Кюхельбекер, Пуцин, Пушкин, Дельвиг. 1969
Перо. 16×9 см
40. Портрет восемнадцатилетнего Кюхельбекера. 1968
Перо. 16×12 см
41. Лицеисты Пушкин и Дельвиг в четырнадцатилетнем возрасте. 1968
Перо. 21×11 см
42. Пушкин и Анна Керн. 1968
Перо. 17×12 см
43. «Папа, пойдем играть!» 1968
Фломастер. 19×28 см
44. Наталья Николаевна на даче. 1969
Перо. 18×9 см
45. Праздник в доме Пушкиных. 1966
Перо. 20×20 см
46. Поэт в тридцатилетнем возрасте. 1969
Перо. 15×11 см
47. Поэт в кругу семьи. 1968
Перо. 20×30 см
48. Умиравший Пушкин. 1968
Перо. 20×34 см
49. Письмо Татьяны. 1965
Кисть, пастель. 32×10 см
50. Юный поэт и дама его мечты. 1967
Акварель. 46×33 см
51. Калипсо. 1967
Монотипия. 27×15 см
52. Земфира на рассвете. 1965
Акварель. 28×19 см
53. Зарема. 1966
Цв. карандаши. 32×19 см
54. Автопортрет (рисующей на полу). 1968
Фломастер, пастель. 50×25 см
55. Мольер и Арманда. 1968
Перо. 28×17 см
56. Маргарита преображенная. 1968
Кисть, чернила. 30×21 см
57. Мастер задумался
Кисть, чернила. 29×20 см
58. Гелла и буфетчик. 1968
Монотипия. 31×21 см
59. Бал у Сатаны. 1968
Монотипия. 29×20 см
60. Первая встреча Мастера и Маргариты. 1968
Монотипия. 21×30 см
61. Коровьев и Кот. 1968
Фломастер, пастель. 29×17 см
62. Иешуа и Марк Крысобой. 1968
Фломастер, пастель. 58×41 см
63. Иешуа осужден. 1968
Монотипия. 31×21 см
64. Понтий Пилат с псом. 1968
Монотипия. 30×21 см
65. Голгофа. 1968
Монотипия. 29×21 см
66. Мольба Фриды. 1968
Кисть, чернила. 30×21 см
67. Низа — красавица Ершалаима. 1968
Кисть, чернила. 29×21 см
68. Полет в бесконечность. 1969
Перо, акварель. 21×29 см
69. Прощайте! 1969
Перо, акварель. 31×19 см
70. Адам Мицкевич. 1968
Монотипия. 26×15 см
71. Непокоренная. 1968
Монотипия. 26×16 см
72. Аполлон и Дафна. 1969
Перо. 18×13 см

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ СТАТЕЙ О ТВОРЧЕСТВЕ НАДИ РУШЕВОЙ

- Бейлькин Ю. «Я нарисую про космос...». — «Смена», 1964, № 10.
- Бершадский В. Стихи Наде. — «Учительская газета», 1972, 12 февраля.
- Богучаров А. Стихи Наде. — «Юность», 1972, № 6.
- Бражнин И. Надя, Пушкин, сиренки и другие. — «Звезда», 1972, № 9.
- Ватагин В. Аполлон и Дафна. — «Юность», 1969, № 9.
- Владимирова Г. Надежда. — «Советская культура», 1972, 18 ноября.
- Выставка, каких не было. — «Юность», 1964, № 8.
- Гессен А. «Мне минуло шестнадцать лет». — «Юность», 1969, № 9.
- Графова Л. Загадка Нади Рушевой. — «Комсомольская правда», 1974, 23 марта.
- Дахиев М. Стихи Наде. — «Юность», 1973, № 1.
- Ефремова Э. Жила-была девочка. — «Советская Россия», 1970, 13 декабря.
- Железнова Н. Девочка по имени Жизнь. — «Нева», 1972, № 9.
- Кассиль Лев. Воображение Нади Рушевой. — «Юность», 1964, № 6.
- Киселев Ю. 10 000 «песен» Нади Рушевой. — «Молодая гвардия», 1970, № 10.
- Лазорайтите М. На выставке Нади Рушевой. — «Театр», 1971, № 6.
- Ларионова Э. Путь Нади Рушевой. — «Семья и школа», 1971, № 2.
- Панфилов Г. Утро прекрасного дня. — «Художник», 1971, № 8.
- Прусакова И. Муза Нади Рушевой. — «Аврора», 1972, № 6.
- Сафонов В. В школе, где училась Надя. — «Рабоче-крестьянский корреспондент», 1974, № 6.
- Сергеев С. Встреча с Надеждой. — «Неделя», 1970, № 44.
- Сидоров А. Рисует Надя Рушева. — «Учительская газета», 1970, 24 ноября.
- «Советская культура», 7 августа 1973 года.
- Цищевский Ю. Живет в Москве девочка... — «Советский Союз», 1964, № 12.
- Щербинина С. Поэтический театр. — «Известия», 1974, 14 марта.

**МУЗЕИ ГОРОДОВ СССР, ЭКСПОНИРОВАВШИЕ ВЫСТАВКИ
НАДИ РУШЕВОЙ с 1970 по 1975 год**

1970 год

1. Москва, ГМИИ, 2. Воронеж, 3. Пермь.

1971 год

4. Куйбышев, 5. Харьков, 6. Одесса, 7. Киев, 8. Кишинев, 9. Алма-Ата, 10. Рига, 11. Ленинград, 12. Волгоград, 13. Саратов, 14. Астрахань, 15. Курск, 16. Уфа, 17. Чайковский, 18. Калинин, 19. Ярославль, 20. Тула, 21. Тамбов, 22. Брянск, 23. Обнинск, 24. Дубна.

1972 год

25. Фрунзе, 26. Орел, 27. Рязань, 28. Николаев, 29. Херсон, 30. Днепропетровск, 31. Севастополь, 32. Симферополь, 33. Казань, 34. Челябинск, 35. Кострома, 36. Свердловск, 37. Ирбит, 38. Тюмень, 39. Ростов-на-Дону, 40. Грозный, 41. Новокузнецк, 42. Осииники, 43. Кемерово, 44. Новая Каховка, 45. Саранск, 46. Иваново, 47. Вологда, 48. Череповец, 49. Смоленск.

1973 год

50. Вильнюс, 51. Йошкар-Ола, 52. Чебоксары, 53. Калуга, 54. Таруса, 55. Нижний Тагил, 56. Феодосия, 57. Сумы, 58. Петрозаводск, 59. Архангельск, 60. Мурманск, 61. Омск, 62. Барнаул, 63. Томск, 64. Харьков (2-й раз), 65. Брянск (2-й раз), 66. Гомель, 67. Минск, 68. Чернигов, 69. Ульяновск, 70. Иркутск, 71. Владивосток, 72. Архангельск, 73. Житомир, 74. Витебск, 75. Сыктывкар, 76. Воркута, 77. Пенза, 78. Павлодар, 79. Хабаровск, 80. Комсомольск-на-Амуре, 81. Дмитровград, 82. Ангарск, 83. Караганда.

1974 год

84. Братск, 85. Якутск, 86. Темир-Тау, 87. Козельск, 88. Курск (2-й раз), 86. Абакан, 90. Кызыл, 91. Мирный, 92. Винница, 93. Запорожье, 94. Липецк, 95. Луцк, 96. Новосибирск, 97. Инта, 98. Киров, 99. Калининград, 100. Львов, 101. МГУ (3-й раз)

1975 год

102. Черкассы, 103. Канев, 104. Умань, 105. Краматорск, 106. Макеевка, 107. Донецк, 108. Зеленоград, 109. Жуковский, 110. Псков, 111. Коломна, 112. Балхаш, 113. Шевченко (Каз.ССР — Мангышлак), 114. Обнинск (2-й раз), 115. Томск, 116. Улан-Удэ, 117. Кяхта, 118. Жданов, 119. Елец, 120. Тбилиси, 121. Пушкин (Камеронова галерея), 122. Пушкин (Лицей), 122. Серпухов, 123. Ульяново (село Калужской обл.), 124. Новокуйбышевск, 125. МГУ (4-й раз), 126. 1-й Медицинский институт.

П16 **Графика Нади Рушевой**
Альбом. М., «Изобразительное искусство», 1976
120 стр. с илл.

Альбом является первым изданием о творчестве рано ушедшей из жизни талантливой девушке Нади Рушевой. Во вступительной статье рассказывается о рисунках юной художницы. Всего в альбом включено 84 репродукции, 27 из которых даны в цвете.

Г $\frac{80103-0027}{024(01)-76}$ 42-76

7С2

ГРАФИКА НАДИ РУШЕВОЙ
Альбом

Составитель Николай Константинович Рушев

Автор текста **Георгий Викторович Панфилов**

Редактор *В. Г. Александров*
Художественный редактор *И. М. Русина*
Технический редактор *Т. П. Бакланова*
Корректор *Л. М. Жарковская*

А11217. Подписано к печати 11/X-1976 г. Изд. № 13-195. Формат 70×92¹/₈.
Бумага офсетная 120 гр/м². Заказ 7250. Объем 7,5 п. л. Усл. печ. л. 8,775
Уч.-изд. л. 6,318. Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 02 к.

Издательство «Изобразительное искусство». Москва. Стр. 1—122.
Москва 129272, Суцёвский вал, 64

Московская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Мало-Московская, 21.

